

84Р6
М-69

А. МИТЯЕВ ШЕСТОЙ- НЕПОЛНЫЙ

88

84P7 393960
M67 Митяев А.В.
Шестой-неполный
1-80

393960

88

Обл. д. б.
отдел обслуживания
чит. младшего возраста
АБОНЕМЕНТ

70

МОСКВА
« ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА »
1987

BRITISH ARMY
WAR OFFICE
LONDON

А. МИТЯЕВ

ШЕСТОЙ -

РИСУНКИ
Н. ЦЕЙТЛИНА

84P7
M67

ДОРОГИЕ ДЕТИ НЕПОЛНЫЙ

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

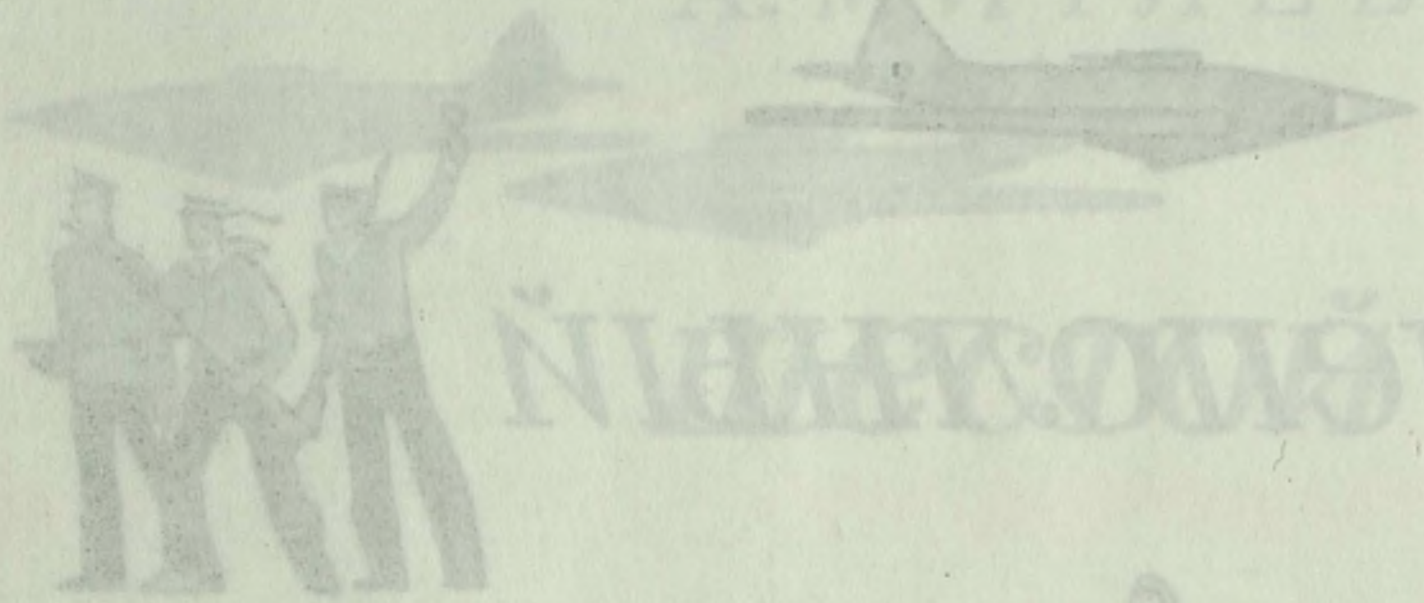
393960

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
в Свердловск

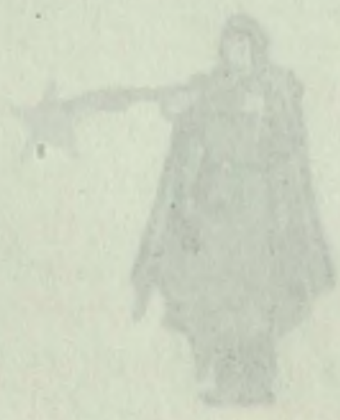

8492
M62

А. МИТЯЕВ

НА ПЕРВОМ

РАССКАЗЫ
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

РИСУНКИ
АННИЛЕНА

М 4803010102-261 303-87
М101(02)87

Состав. Иллюстрации.
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г.

РАССКАЗЫ
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

ДОРОГИЕ ДЕТИ!

Когда вы были совсем маленькие, книги вам читали старшие. Теперь вы подросли, узнали буквы, и многие уже научились читать сами. Постепенно из слушателей вы становитесь читателями книг.

Для детей написано много интересных стихотворений, сказок, рассказов. Родители, друзья будут советовать, что прочесть. Дам совет и я: читайте побольше о Советской Армии — защитнице Родины, читайте о том, как наши воины сражались с фашистами, как победили на войне.

Война закончилась давно, но все советские люди гордятся подвигами солдат, офицеров, генералов, свято хранят память о погибших героях. Мы знаем: пусть пройдет целый век — память о них будет всё так же свежа и священна. Её сохраните вы — юные граждане Советской страны.

Книга Анатолия Васильевича Митяева «Шестой-неполный» рассказывает о мужестве наших воинов. Писатель сам участвовал в Великой Отечественной войне, поэтому он так любит героев своих рассказов — ведь это его фронтовые товарищи. И вы, дети, полюбите их. Помните, что похожие на них пехотинцы, танкисты, артиллеристы, лётчики, моряки отстояли нашу свободу и нашу жизнь. Мне хочется, чтобы вы были такими же сильными, смелыми, отважными и мужественными, как герои Великой Отечественной войны.

Дважды Герой Советского Союза
Маршал Советского Союза
П. К. КОШЕВОЙ

СОЛДАТ МИТЯ КОРНЕВ

ЗЕМЛЯНКА

Всю ночь артиллерийский дивизион мчался по шоссе к фронту. Было морозно. Луна освещала редкие лесочки и поля по краям дороги. Снежная пыль клубилась за автомобилями, оседала на бортах, покрывала наростами чехлы пушек. Солдаты, дремавшие в кузове под брезентом, прятали лица в колючие воротники шинелей, прижимались плотнее друг к другу.

В одном автомобиле ехал солдат Митя Корнев. Ему было восемнадцать лет, и он ещё не видел фронта. Это непростое дело: днём быть в тёплой городской казарме далеко от войны, а ночью оказаться на фронте среди морозных снегов.

Ночь выдалась тихая: не стреляли пушки, не взрывались снаряды, не горели ракеты в небе.

Поэтому Митя не думал о сражениях. А думал он о том, как могут люди всю зиму пробыть в полях и лесах, где нет даже плохонькой избушки, чтобы отогреться и переночевать! Это тревожило его. Ему казалось, он непременно теперь замёрзнет.

Наступил рассвет. Дивизион свернул с шоссе, проехал полем и остановился на опушке соснового бора. Автомобили один за другим медленно пробирались между деревьями. Солдаты бежали за ними, подталкивали их, если колёса буксовали. Когда в посветлевшем небе появился немецкий самолёт-разведчик, все машины и пушки стояли под соснами. Сосны укрыли их от вражеского лётчика мохнатыми ветками.

К солдатам пришёл старшина. Он сказал, что дивизион будет стоять тут не меньше недели и надо строить землянки.

Мите Корневу поручили самое простое дело: очистить площадку от снега. Снег был неглубокий. На лопату Мите попадали шишки, опавшая хвоя, зелёные, будто летом, листики брусники. Когда Митя задевал лопатой землю, лопата скользила по ней, как по камню.

«Как же в такой каменной земле копать яму?» — думал Митя.

Тут пришёл солдат с киркой. Он долбил в земле канавки. Ещё один солдат всаживал в канавку лом и, налегая на него, отковыривал большие заледеневшие куски. Под этими кусками, как мякиш под жёсткой коркой, был рыхлый песок.

Старшина ходил и глядел, всё ли делается правильно.

— Не кидай песок далеко, — сказал он Мите Корневу, — пролетит фашистский разведчик, увидит в белом лесу жёлтые квадраты, вызовет по радио бомбардировщиков...

Когда широкая и длинная яма стала Мите по пояс, в середине прокопали канаву — проход. По обе стороны от прохода получились нары. У краёв ямы поставили столбы, на них прибили бревно. Вместе с другими солдатами Митя рубил жёрдочки. Их клали одним концом на бревно, другим на землю — так же, как делают шалаш. Потом их закидали еловыми ветками, на ветки положили мёрзлые земляные глыбы, засыпали песком и для маскировки припорошили снегом.

— Иди за дровами, — сказал старшина Мите Корневу, — наготовь побольше. Чуешь, мороз крепчает! Да руби только ольху и берёзу — они и сырые хорошо горят...

Митя рубил дрова, а его товарищи в это время застелили нары мелкими еловыми ветками, прикатали в землянку железную бочку. В бочке было две дыры — одна снизу, чтобы класть дрова, другая сверху, для трубы. Трубу сделали из пустых консервных банок. Чтобы не было видно ночью огня, на трубе укрепили козырёк.

Первый фронтовой день Мити Корнева прошёл быстро. Стемнело. Мороз усилился. Снег скрипел под ногами часовых. Сосны стояли будто окаменевшие. В синем стеклянном небе мерцали звёзды. А в землянке было тепло. Жарко горели ольховые дрова в железной бочке. Только иней на плащ-палатке, которой завесили вход в землянку, напоминал о лютном холоде. Солдаты расстелили шинели, под головы положили вещевые мешки, укрылись шинелями и уснули.

«До чего же хорошо спать в землянке!» — подумал Митя Корнев и тоже уснул.

Но спать солдатам пришлось мало. Дивизиону было приказано немедленно отправиться на другой участок фронта: там начались

тяжёлые бои. В небе ещё дрожали ночные звёзды, когда автомобили с пушками стали выезжать из леса.

Дивизион мчался по шоссе. Клубилась снежная пыль за автомобилями и пушками. В кузовах на ящиках со снарядами сидели солдаты. Они прижимались друг к другу потеснее и прятали в колючие воротники шинелей лица, чтобы не так жгло морозом.

САМОВАР

Всю зиму шли упорные бои. И наконец, ближе к весне, фашисты не выдержали, отступили.

Митя Корнев толком ещё не знал, что происходит. Он с удивлением и радостью смотрел, как в сторону вражеских позиций устремились наши солдаты. Бежали пехотинцы, сапёры, связисты с катушками. По следу, умятому танками, заторопились сани с боеприпасами, полевые кухни. В несколько минут обжитые за зиму траншеи, землянки и блиндажи опустели. Только Митин дивизион оставался на месте: орудия били вдогонку фашистам.

Но вот и они кончили стрелять. Из укрытий разом выехали автомобили-тягачи. Артиллеристы прицепили к ним орудия, побросали в кузова пожитки, забралась сама. Митя тоже хотел влезть в кузов автомобиля. Но тут подошёл старшина. Он протянул Мите вещевой мешок и сказал:

— Вот тебе, Корнев, продукты. Останешься охранять снаряды. Всё нам не увезти. Дня через три приедем за ними и за тобой.

И дивизион уехал.

Всё произошло так быстро, так неожиданно, что Митя не сразу понял, в каком он оказался положении.

Оставшись один, Митя пересчитал ящики, окрашенные для маскировки известью, поправил, чтобы лежали ровно. А больше делать было нечего. Митя ходил возле снарядов. Прислушивался. Всмотривался.

Но никакого движения не было вокруг, и не было никаких звуков. Стояла мёртвая тишина. Люди ушли в наступление. А птицы и звери скрылись из этих мест ещё раньше. Бомбы и снаряды падали здесь

так густо, что изломали и посекали каждое дерево в лесу. От сосен остались одни разодранные пеньки — высокие, выше человека. В наступавших сумерках остатки деревьев казались фантастическими существами. Они тянули во все стороны изломанные щепки и будто жаловались Мите на свою горькую судьбу. Митя смотрел на них, и на сердце у него становилось всё тревожнее.

Стемнело. Митя забрался в блиндаж. Хозяева увезли печку и лампу. Митя ощупью отыскал лежанку, сгрёб к стене солому и лёг, устроив под голову мешок с продуктами. Автомат положил рядом. Тепло из блиндажа ушло. Вместе с ночным холодом стали к Мите подбираться страхи.

«Что, если подкрадутся фашисты? — думал Митя. — А может быть, придёт волк-людоед? Вот сейчас заскребётся лапами в дверь... Дверь тонкая... И запора нет...» Мите захотелось вскочить, выстрелить в дверь длинной очередью из автомата. Но он не вскочил, заставил себя лежать. И так, лёжа, дождался других мыслей: о том, что он солдат, бояться ему не полагается. Он не просто ночует в блиндаже, он охраняет склад боеприпасов, и горе тому, кто попытается их взорвать или выкрасть. «Пора на пост!» — сказал себе Митя. После этих слов он встал, поставил автомат на боевой взвод и открыл дверь.

Ночь не была чёрной, как казалось в блиндаже. Она была серая. Слабый свет шёл от снега. В этом сером свете Митя разглядел штабель ящиков со снарядами. Медленным шагом он несколько раз обошёл его и вернулся. «Теперь спать!» — приказал себе Митя. Натянул поглубже шапку, свернулся калачиком, подоткнул полы шинели, чтобы было потеплее. Но в холоде и одиночестве сон никак не шёл. Митя чуточку задремал.

Утром, отогревшись у костра и пожевав сухарей, Митя отправился искать печку. «Иначе замёрзну, — думал он. — Хоть какая-нибудь плохонькая печурочка должна остаться. Столько народу жило всю зиму...»

Митя лазил по блиндажам и землянкам. Много всякой всячины ему попадалось. Он нашёл лампу, сделанную из снарядной гильзы, нашлись даже концентраты пшённой каши, а печки не было. Кто же оставит такое сокровище в зимнюю пору! Но вдруг в полуобвалившейся землянке, куда Митя и заглядывать не собирался, но почему-то заглянул, он увидел самовар. Медный самовар был огромный и круглый. Он стоял на сосновой чурочке на четырёх широких, как

у породистой собаки, лапах. Ручка короткого крана была затейливая, похожая на цифру восемь, на восьмёрке сидело множество маленьких колечек и завитушек. Сверху на самоваре была конфорка с узорными вырезами — точно царская корона. Это был царь-самовар. От такой находки Мите стало весело. С концентратами за пазухой, с лампой под мышкой, с самоваром на плече он отправился к себе.

Пост был в полном порядке. Митя занялся устройством своих дел. Сначала развёл большой костёр, чтобы нажечь для самовара угли. Потом принялся вырезать ножом дно консервных банок. Пустых банок было много, и скоро, втыкая одну в другую, Митя собрал длинную трубу. Ещё нужно было добыть воду. Митя набил снегом котелок, повесил его над костром. Пока снег таял, он принёс из блиндажа горсть песку, тряпицу и начал драить свою находку.

Медь хорошо отчищалась, самовар засиял. В красном самоварном боку Митя увидел своё лицо — с толстенным носом, с приплюснутым лбом и подбородком, с расплывшимися в стороны щеками. Митя подмигнул своему отражению, и рожа на самоваре ответила чудной, весёлой гримасой.

«Ничего, жить можно!» — подумал Митя.

В блиндаже с самоваром стало уютно, а когда Митя разжёл его, пошло тепло. И уж совсем согрелся Митя после чая. Напиться вдоволь настоящего самоварного чая — на войне такое не каждому удаётся! Прохаживаясь у снарядов, Митя всё посматривал на блиндаж, на трубу, из которой поднимался сизый дымок. Ночью дыма не стало видно. Зато стали видны искорки, они летели вверх красными мошками.

И на следующую ночь Митя тоже долго не засыпал, тоже думал. Но мысли были спокойные, не тревожные, не страшные. Он представил себе людей, которые в мирное время сидели за самоваром. Наверное, это была большая семья. Мать с отцом, дети, бабушка с дедушкой. На столе у них стояли всякие вкусные вещи: баранки, лепёшки, варенье, конфеты... И над этой вкуснотой, над чашками и блюдами возвышался самовар. Потом напали фашисты. Хозяин самовара, конечно, пошёл на войну. А куда делись мать с детьми, бабушка с дедушкой? Ушли от фронта. Самовар оставили — вон он какой! Понеси-ка его... Пехотинцы, к которым он попал, тоже не понесли. Ясное дело — им жалко было с ним расставаться. Но ничего не поделаешь — у пехоты груза и так много: винтовка, патроны,

195355

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

гранаты, противогаз, лопатка... Так рассуждал про себя Митя и незаметно уснул.

Три дня, обещанные старшиной, прошли. Но за снарядами и за Митей всё не ехали. «Верно, далеко погнали фашистов, — догадывался Митя. — Да ведь без снарядов как гнать их? Ну ничего. Подожду. Теперь ждать можно».

Однажды, это было на шестой день, самовар вдруг запел. В его горячей середине послышалось тонкое жужжание со звоночками. Крошечные звоночки с каждой минутой звонили всё звонче, всё чаще. Скоро отдельные звуки слились в один — будто загудела дудочка. Митя вспомнил шутивную примету: самовар поёт к дороге. И правда, в этот день приехали машины.

Митины товарищи, как погрузили снаряды, стали пить чай. Кто заваривал в кружке берёзовую веточку, кто подгоревший сухарик. И все хлопали самовар по круглым бокам, будто благодарили за доставленное удовольствие.

Митя устроил себе место в грузовике среди ящиков. Уселся там удобно и положил ещё тёплый самовар на колени. Так он и вёз его до своего дивизиона.

КУРИНАЯ СЛЕПОТА

Митин товарищ ефрейтор Савкин взял в плен танкиста. Савкин лежал под фашистским танком, подбитым на ничейной полосе, наблюдал в бинокль, откуда бьют вражеские пулеметы. В это время фашист и приполз к танку. Видно, хотел узнать, какие повреждения у машины, чтобы потом увезти её к себе. Ефрейтор подпустил фашиста метров на десять, отбросил стволом автомата маскировку и сказал: «Хенде хох!»¹ Немец метнулся было в сторону, но тут же сообразил, что бежать бесполезно, и, стоя на коленях, поднял руки.

Савкин привёл пленного в расположение дивизиона. Командир похвалил ефрейтора, порадовался его удаче и приказал доставить немца на допрос в штаб бригады. Савкин под танком лежал весь день

¹ Руки вверх! (нем.)

с утра, промёрз, проголодался. Дальше вести пленного поручили Мите Корневу.

До штаба было километра три. Дорога шла лесом.

Митя шагал за фашистом. Ствол Митинового автомата смотрел в спину врага. А глаза Мити смотрели на природу. Начиналась весна. Зелени, правда, ещё не было, но и снега уже не было. Берёзы стояли тихие, торжественные — ждали встречи с настоящим теплом. Митя сорвал почку. Коричневая почка была как бы опутана зелёной ниткой. Это чешуйки начали расходиться, потихоньку освобождая листок.

Наступили сумерки. Похолодало. Берёзы стали строгие, почти зимние. Сумерки сгущались быстро, словно спешили спрятать деревья от заморозка. До штаба бригады было ещё далеко, как вдруг всё затянулось тёмной мглой. Ничего не стало видно: ни пленного, ни белых берёз. «Странный вечер», — подумал Митя и споткнулся о кочку. Он потёр глаза ладонью, но на них будто была пелена.

Слух Мити напрягся. Он услышал гулкие удары сердца в груди. И ещё услышал, как шагает немец, тыча сапогами в сырую дорогу. Шаги были мерные, без сбоя. «Значит, — подумал Митя, — немец видит, куда наступает. Он не спотыкается, как я. Что же у меня с глазами? Неужели ослеп? Это куриная слепота наступила».

Митя испугался. Ему вспомнились солдаты, у которых была куриная слепота. Днём они видели хорошо. А как заходило солнце, их собирали из окопов, с огневых позиций, и они, беспомощные, держа друг друга за хлястики шинелей, шли за зрячим солдатом-поводырем. Шли подальше от передовой, в безопасное место. Ночью они не могли воевать.

Тревожные мысли пронеслись в Митиной голове.

«Если фашист убежит, что скажу командиру? Ладно — убежит, а если убьёт кого-нибудь нашего по дороге, взорвёт что-нибудь? Приказать ему лечь? И ждать, когда кто-нибудь пойдёт по дороге? Фашист может догадаться, что я не вижу».

Тут — то ли дорога стала твёрже, то ли пленный ушёл далеко — шаги стали едва различимы. Митя прибавил скорости, заспешил, нога попала в яму, и он чуть не упал. Тогда, с досады или с отчаяния, Митя неожиданно для самого себя вдруг крикнул:

— Капут Гитлер?¹

---

¹ Конец Гитлеру? (нем.)

— Гитлер капут¹, — согласился вблизи немец.

Голос у него был спокойный.

«Не догадывается, — понял Митя. — Пока не догадывается».

Шагов через пятьдесят Митя опять спросил:

— Капут Гитлер?

— Гитлер капут, — отозвался немец. На этот раз сердито: дескать, что спрашивать, и так всё ясно.

Мите стало как-то неловко, вроде бы стыдно за такой однообразный несерьёзный разговор. Но других немецких слов он не знал и скоро опять задал надоевший пленному вопрос. Что было делать? По голосу пленного Митя определял, где тот находится, и проверял себя — не сбивается ли с дороги. Когда Митя, проглотив слюну, снова приготовился к вопросу, немец сам высокомерным тоном сказал:

— Капут, капут. Гитлер капут.

Он решил, что молодой конвоир, по виду совсем подросток, таким глупым образом со скуки развлекает себя.

«Считай себя умным, меня считай глупым, — думал Митя, — я потерплю». Новая забота одолевала его — не пройти штаб бригады. Штаб располагался в лесу метрах в двухстах от основной дороги. Как найти развилку?

На счастье, у развилки на ночь выставляли патрульных. Когда раздался окрик: «Стой, кто идёт?» — Митя даже вздрогнул от радости.

— Свои! — закричал он. Тут же поправился: — Свой и немец! — И заговорил горячо, торопливо, боясь, что патрульный не дослушает, уйдёт. — Пленного в штаб веду. А глаза не видят. Ты уж проводи нас. Боюсь упустить фашиста, побежит — мне не видно. Куриная слепота у меня.

— Ясно, — сказал патрульный. — А я-то думаю: чего это идут двое и один орёт как заводной: «Гитлер капут!»?

Патрульный взял Митю за руку, сказал пленному: «Дуй вперёд!» — да с такой интонацией, что фашист его понял, и все трое зашагали к штабу.

Утром Митя опять стал видеть хорошо. Он пришёл в свой дивизион, когда начинался завтрак. На этот раз у походной кухни рядом с поваром стоял санитарный инструктор. И прежде надо было

---

¹ Гитлеру конец. (нем.)

протянуть ему ложку, а потом уже котелок повару. Санитарный инструктор каждому наливал в ложку густую жидкость из бутылки и требовал, чтобы артиллерист её тут же пил.

— Что это такое? — спросил Митя, когда подошла его очередь.

— Рыбий жир.

— Рыбий жир я не люблю, — стал отказываться Митя.

— Пейте, Корнев, без разговоров, — рассердился санитарный инструктор. — Если бы я раньше начал давать его, вам не пришлось бы вчера маяться с пленным. У вас в организме нет нужного витамина, вот и нарушилось зрение.

Митя выпил рыбий жир, облизал ложку.

— Спасибо, — сказал он инструктору.

— На здоровье! — ответил тот.

И правда, Митя Корнев через несколько дней стал здоров. Он мог сражаться с фашистами не только днём, но и после захода солнца — в любое время суток.

К

ПЫЛЬ

олёса да солдатские ноги истёрли землю на просёлке в мелкую пыль. Пылью было покрыто всё вокруг: и трава, и кусты, и кузнечики.

Рядовой Митя Корнев ехал в грузовике рядом с шофёром. Кабина у них была щелястая, брезентовая — на железные тогда не хватало металла, — и пыль в ней стояла, что называется, столбом. Митя мечтал, как доберутся они до своего дивизиона, как вытрясут гимнастёрки, умоются водой.

Ехать оставалось немного. Но вдруг спереди хлопнуло. Грузовик осел, словно охромел. Спустило колесо.

Минут за тридцать шофёр и Митя сделали что нужно. Проверили другие колёса. Можно было ехать. И тут Митя увидел: у него на гимнастёрке висит только ленточка от медали, сама медаль — серебряный кружок с надписью «За отвагу» — потерялась.

— Я медаль обронил, — сказал Митя.

— Как обронил? — удивился шофёр. — Когда?

— Наверно, когда колесо чинили...

— Найдём, — сказал шофёр. Он встал у колеса на колени, запустил руки по самые локти в горячую пыль и принялся там шарить. У другого колеса склонился Митя.

— Чего, славяне, ищете? Не деньги ли? Найду — половина мне.

Рядом с грузовиком остановилась повозка. Ездовой, не дождав-шись ответа, спрыгнул. Со стороны могло показаться, что в дорогу ударил снаряд — такой смерч пыли поднялся.

— Медаль потерялась, — признался Митя, — «За отвагу».

— Дело серьёзное, — сказал ездовой. Он бросил в повозку кнут и тоже стал разгребать пыль.

Искали втроём, пока не засигналила полупортка. Повозка мешала ей проехать. В полупортке на госпитальных матрасах сидели санитарки. Чтобы не запылить волосы, они убрали их под пилотки и были похожи на мальчиков.

— Братишки! Что это вы, как куры, роетесь? — спросила маленькая санитарка, и подружки засмеялись.

Ездовой поднялся от колеса. Отводя лошадь, объяснил:

— Этот вот медаль потерял.

— Ну? — охнули санитарки хором.

Когда полупортка тронулась, маленькая санитарка крикнула Мите:

— Эх ты! Тебя к нам в госпиталь на лечение надо!

Уехала полупортка. Уехал ездовой на лошади. Но дорога на то и дорога, чтобы шли по ней и ехали. С грузовиком поравнялось отделение сапёров. Начальником был пожилой старшина. Нос у него — как свеколка. Даже напудренный пылью, нос светился красным.

— Гайку потеряли? — спросил участливо старшина. — Ничего, без одной доедете.

— Гайку бы ладно, — ответил шофёр, — медаль...

— Растяпы! — рассердился старшина. — Учить вас некому!

— Может, миноискателем поищете? — попросил Митя.

— А чего! — согласился один сапёр и начал пристраивать на голове наушники. — Только машину подальше отгоните. В ней вон сколько железа, в наушниках будет пищать — оглохнешь.

Митя очень обрадовался. Шофёр полез в кабину заводить. Но красноносый старшина скомандовал:

— Отставить поиск! Стройся! Шагом марш!

И сапёры ушли.

Митя так и сел у колеса. От обиды сами собой покатались слёзы. «Ну что за человек? — думал Митя. — Чего стоило помочь?»

Он не слышал, как старшина на ходу объяснял сапёрам:

— Машину нельзя трогать. Так хоть видно, где медаль могла упасть. Вот они, все четыре колеса, как в песне поётся... А миноискателем медаль не найдёшь: на дороге и гайки, и гвозди, и болты, и пули, и осколки, ещё пуговицы солдатские...

К грузовику в это время подъехала казачья разведка. Хоть и жара — на казаках шапки-кубанки. Брюки у рядовых — как у генералов, с лампасами. На ремнях шашки, пистолеты, за спиной автоматы. И у каждого разведчика полна грудь орденов и медалей. Блестят — казакам пыль не пыль.

Всадники приостановили коней. Один наклонился с седла к Мите:

— Что пригорюнился? Кто обидел?

Мите было стыдно объяснять. Да ведь спрашивают.

— Медаль обронил. Вот уж час ищем...

— Козлов! — крикнули из середины взвода. — У тебя медалей полно. Дай им одну.

— Не дам, — сказал серьёзно разведчик. — Свою не уберegli, чужую подавно посеют.

Казаки тронули коней. Взвод окутался пылью, как облаком. И с этим облаком исчез за поворотом.

Подъехал повар на полевой кухне. Из трубы сочился дымок. В котле за железной стенкой пыхтела и ухала каша. Повар был молодой, Митин ровесник.

— Да я бы, — говорил он, — если бы получил медаль, уж берёг бы... После войны пойдёшь по улице с медалью — всякий скажет: «Этот не трусил перед фашистами». А мне награду получить негде. Я всё время с кашей. Ты, — утешал он Митю, — не горюй. Ещё получишь. И даже орден. У вас, артиллеристов, есть где получить. Ты уж извини, что не помогаю искать. Роту кормить надо. Я бы и кашки вам положил, да нельзя в такой пыли котёл открыть...

— Чего там, — сказал Митя, тронутый участием, и крепко пожал повару на прощание руку. — Всё! — сказал Митя, когда кухня уехала. — Не найти.

Митя сел на подножку грузовика. Шофёр сел рядом. Они думали об одном: пора ехать. В дивизионе уже беспокоятся. А медаль найти просто невозможно. Ничего не поделаешь. У многих людей бывает несчастье. Теперь несчастье случилось у Мити. Шофёр пошёл на

обочину, сорвал колючий кустик и стал сбивать пыль с брюк. У Мити и на такое лёгкое дело не было силы. Тут подкатил «козёл» — коротенький автомобильчик с брезентовым верхом. Он затормозил около грузовика, да так лихо, что пыль, которая крутилась за ним, улетела вперёд. «Козёл» как бы обманул её. Откинулась дверца, выглянул лейтенант:

— Почему стоите? Горючее кончилось?

Митя вскочил с подножки:

— Горючее есть, товарищ лейтенант. Сейчас поедем. Медаль искали. Потерялась, когда колесо чинили.

— Нашли? — спросил лейтенант.

— Никак нет, — ответил Митя.

— Искать снова. И найти! Даю пятнадцать минут сроку. — Лейтенант посмотрел на часы, потом на Митю, захлопнул дверцу, и «козёл», рванувшись с места, умчался.

— Разве поискать ещё? — неуверенно сказал Митя.

— Ищем пятнадцать минут, — согласился шофёр, — как велел лейтенант.

И они снова принялись прощупывать пыль у колёс. Пыль была такая сухая, такая лёгкая, что текла между пальцами. В щепотку взять её было невозможно. В горсти она ничего не весила, горсть была словно пустой. И вдруг Мите показалось, что в руке есть что-то тяжёлое. Он медленно разжал пальцы, пыль сбежала с ладони, а на ладони, на самой её середине, лежал серебряный кружок.

— Нашёл! Нашёл! Нашёл! — закричал Митя и принялся наподдавать пыль сапогами.

— Да стой ты, — обрадовался шофёр, — ну-ка покажи!

Они долго разглядывали медаль, как в тот день, когда Мите вручили её за отвагу при отражении атаки немецких танков.

М

И В А Н И Ф Р И Ц Ы

итя Корнев с тех пор, как пошёл на войну, воевал всё время в лесах да полях... За три лета и три зимы ни разу не ночевал под теплой крышей. И вот теперь в первый раз оказался в городе. Не в простом — в Берлине, в столице фашистской Германии.

Небо над Берлином было дымное, пыльное. Солнце едва проглядывало сквозь снарядный дым и кирпичную пыль. Не переставая грохотало, гремело. Взрывались снаряды, бомбы.

Митя Корнев никак не мог привыкнуть к войне в городе. Укрывать пушки тут надо было по-особому: не за кустом, не за пригорком — за грудками кирпича, за углами домов.

Однажды пришлось даже втаскивать пушку в какой-то склад через пролом в стене и стрелять сквозь узкое окошко, как через амбразуру. И надо было всё время глядеть в оба: с крыши или из какого-нибудь окна фашисты могли пустить автоматную очередь по артиллеристам. Позади наших орудий стоял наполовину обвалившийся дом. Возможно, в нём прятался, дожидаясь момента, враг.

— Вот что, Корнев, — сказал Мите командир взвода, — огляди-ка это строение изнутри. Оно что-то мне не нравится...

Митя рассовал по карманам гранаты, поставил автомат на боевой взвод и пошёл выполнять приказ. По обрушенным лестницам, по пустым квартирам ходил, таясь, стараясь ничем не зашуметь. Но, как всегда бывает, если не хочешь зашуметь, обязательно наткнёшься на что-либо. Так и Митя — зацепил ногой железный прут, торчавший из стены: кирпичная глыба, примыкавшая к лестнице, вдруг рухнула, с грохотом свалилась с верхнего этажа вниз. И снова всё стало спокойно в разрушенном доме. Только с улицы и с небес шёл несмолкаемый гул войны.

Излазив чердак и убедившись, что дом покинут всеми, Митя Корнев спустился вниз. И тут вдруг ему почудились какие-то другие звуки — совсем необычные для этих дней. Они шли, приглушённые и неясные, из-под груды вещей, сваленных в подъезде. Митя прислушался, звуки повторились. Были они слабые и такие жалобные, что сердце у него дрогнуло в предчувствии чего-то необычного и важного.

Закинув автомат за спину, он отбросил верхние узлы и увидел пещерку среди вещей. В ней, прижавшись друг к другу, лежали трое ребятшек — два совсем маленькие, года по четыре, третий лет семи. Худенькие, как тростинки. В сумраке подъезда были видны их бледные, осунувшиеся личики. Тот, что постарше, мгновенно вскочил, оттолкнув маленьких, и поднял руки вверх.

— Ты что? — проговорил Митя. Но слова у него не получились, застряли в горле. Так было ему обидно, досадно и горько, так было

жалко несчастных мальчишек.— Опустит руки,— сказал он (на этот раз внятно, спокойно) и легонько тронул старшего.

Митя взял на руки маленьких. Кивнул старшему, чтобы не отставал. Зашагал, оглябая кучи щебня, к орудиям.

Артиллеристы стояли у пушек, насторожённо смотрели вдоль улицы, уходившей в дымную, пыльную даль.

— Глядите-ка, Митька фрицев привёл! Трёх сразу! — воскликнул наводчик Митиной пушки.

Все оглянулись. Командир взвода, снова прикинув к прицелу, нетерпеливо выкрикнул:

— Корнев! Молодец! Пять минут сроку — укрыть детей. Да понадежнее...

— Митька, за домом через улицу есть ещё обвалившийся дом. Там в подвале полно мирных немцев. Тащи ребят туда,— посоветовал наводчик.

Митя уже намеревался перейти улицу, как по ближнему столбу щёлкнуло и занула, отскочив рикошетом, пуля. Был бы Митя один, он бы прошмыгнул через улицу. А теперь он был не один. Маленькие успокоились и пригрелись у него на руках, старший тоже поверил в его доброту, уже не раз на ходу брался ручонкой за его брюки. «Придёт русский Иван,— пугали фашисты берлинцев,— всем будет смерть». Митя и не догадывался, что старший, таясь под вещами, рисовал себе русского Ивана зубастым страшилищем, обросшим волосами.

В ближнем переулке взревел и мерно заработал танковый мотор. Митя поспешил туда. Танк выпускал густой дым. Люки были открыты. Спереди из узкой щели смотрел на Митю чумазый водитель, из башенного люка — командир танка, усатый грузин, с большим горбатым носом. Опасаясь, что танк уйдёт сейчас, Митя взмолился:

— Привет танкистам от артиллерии! Перевезите ребят на ту сторону. Снайпер, собака, стреляет вдоль улицы.

— Давай! — командир танка улыбнулся так, что усы поднялись вверх, и протянул руки, чтобы принять детишек.

— Иван! Плёхо! Плёхо! — вдруг закричал старший мальчик и обнял Митины сапоги.— Иван! Иван! — повторял он, пока рыдания не заглушили слов.

Маленькие с двух сторон обхватили Митину шею руками, и Митя почувствовал на своих щеках их беззвучные слёзы.

— Боятся! Меня боятся...— сказал танкист. Со страшной злостью он сплюнул в сторону.— Ну я им покажу нынче...— и стал вылезать из люка.— Лезь с ними,— сказал он Мите,— вези. И дай хлеба. И консервы дай. Они около водителя, в вещевом мешке. А этим я покажу нынче. До Гитлера доберусь. Что наделали, что наделали со своими детьми?

...Митя кричал по-русски у подвала, чтобы вышли, забрали ребят. Потом кричал по-немецки мальчик. Напуганные грохотом подошедшего танка, немцы долго не показывались. Наконец осмелились. Из-за тяжёлых дверей выглянули несколько женщин. Ребятишки стояли, взявшись за руки, между ними и танком. Пока танк не уехал.

ШЕСТОЙ-НЕПОЛНЫЙ

Войны ещё не было. Но предвоенный год уже начался. Предчувствуя грозное время, рабочие на заводах делали танки и орудия; в пекарнях для солдат сушили ржаные сухари, а в школах мальчишки и девчонки учились перевязывать раненых.

В те дни Саша Ефремов выбирал себе работу. Он кончил учиться в школе, и ему надо было за что-то браться.

«Пусть будет у нас много оружия, — рассуждал Саша, — много продовольствия и много лекарств для раненых, но разве победим мы врага, если у нас будет мало командиров? Пойду я в военное училище».

Он так и сделал: поступил в училище, где учили на командиров артиллеристов.

Саша был маленького роста. Многие считали, что с таким ростом нельзя быть командиром. Даже Сашина мама, когда собирала сына в училище, сказала:

— Ты подумай ещё раз. Может быть, тебе какое-нибудь другое дело выбрать? Уж очень ты мал.

В училище Саше не могли найти гимнастёрку по росту. Переменил он их множество, но каждый раз рукава были ниже пальцев. Новые Сашины друзья за час обмундировались с головы до ног: надели пилотки, гимнастёрки, брюки, кирзовые сапоги. А Саше пришлось ещё день носить свою гражданскую одежду, пока училищный портной не укоротил гимнастёрку и не перешил брюки.

Этот день показался Саше длинным, как неделя. Его отделение маршировало по плацу, чистило пушку, изучало устройство винтовки, метало гранаты, а он в это время сидел в казарме. Ведь в кепке, вельветовой курточке, брюках навыпуск и сандалиях нельзя встать в военный строй!

Но вот вечером портной принёс форму. Саша аккуратно сложил её на тумбочке и спокойно уснул.

Утром нового дня по сигналу «Подъём!» Саша мигом вскочил с кровати и ровно за две минуты, как полагается военным людям, оделся и стал в строй.

Отделение построилось двумя шеренгами. Справа, на правом фланге, стояли высокорослые, слева, на левом фланге, — те, кто поменьше, и самым крайним был самый маленький Саша.

Командир отделения скомандовал:

— По порядку номеров рассчитайсь!..

— Первый! Второй! Третий! Четвёртый! Пятый! — выкрикивали курсанты.

Очередь дошла до Саши.

— Шестой! — громко крикнул он.

— Отставить! — недовольно скомандовал командир отделения. — Курсант Ефремов! Вам надо говорить: «Шестой-неполный».

Тут всё отделение захохотало, да так весело и дружно, что маленький Саша покраснел от смущения.

— Отставить смех! — строго скомандовал командир и объяснил, когда добавляется слово «неполный»: у Саши не было пары, за ним никого не было во второй шеренге. — Вот представьте себе, — говорил командир, — ночь, гремит бой, отделению надо перейти на другую позицию. Построились мы, рассчитались по порядку номеров. В темноте никого не видно, только голоса слышны. Чтобы узнать, сколько нас собралось, я последнюю цифру умножу на два, потому что две шеренги. И может случиться, как у нас сейчас: у последнего пары нет. Если он не скажет «неполный», все мы будем думать, что нас на одного больше, чем есть на самом деле. — Командир помолчал немного и, поглядывая на тех, кто смеялся громче других, добавил: — Ни по росту, ни по цвету глаз не определишь, у кого сердце настоящего командира. Это только в бою видно.

Дни военного 1941 года шли один за другим. Настало лето. В садах наливалась соком вишня. У скворцов подрастали птенцы. Цвела пшеница, и, когда дул ветер, над зелёно-синими полями летели облачка жёлтой пыльцы.

Саша Ефремов и его товарищи жили теперь в брезентовых палатках на опушке леса — в военном лагере. Курсанты поднимались на заре и учились артиллерийскому делу до тёмной ночи. Артиллерийская наука мудрёная. Времени же до начала войны оставалось совсем мало.

И вот война началась. Все курсанты училища, и Саша тоже, в тот же день подали рапорты начальнику училища. В рапортах они просили отправить их на фронт, чтобы сражаться с фашистами. Начальник не обрадовался, но и не рассердился. Он созвал курсантов

и сказал, что их время ещё не подошло. Бои с врагом ведут обученные части, а курсантам ещё надо учиться.

— Все рапорты я возвращаю, — сказал старый командир. — Между прочим, мой рапорт командование тоже вернуло мне. Подождём месяца три-четыре. Закончим учебную программу, тогда и повоюем.

Однако ждать пришлось совсем мало. Немецкие танки и мотопехота прорвали нашу оборону и прошли в наш тыл.

Сначала на близкий теперь фронт уехали из училища тракторы-тягачи. Их отдали артиллерийскому полку, машины которого были подбиты в бою. А потом пришёл приказ выступить на фронт всему училищу.

В августе ночи тёмные. Правда, небо всё в звёздах, но на земле ничего не видно — одна чернота. В такую ночь Саша с товарищами выступил на фронт. Пушки везли на лошадях. И снаряды на лошадях. Поскрипывали колёса повозок, лошади фыркали, и больше никаких звуков не было. Редкие команды отдавались вполголоса. Где-то очень близко затаился враг.

Саша шагал за повозкой, которую тащил конь Зайчик. В мирное время серый Зайчик возил капусту и картошку на курсантскую кухню. Теперь он вёз снаряды на фронт. Его хозяином, или, как говорят в армии, ездовым, был Саша. Саша-то готовился стрелять по фашистским танкам из пушки, а ему приказали возить снаряды.

«Всё из-за роста!» — думал Саша.

Военный человек не имеет права долго огорчаться. Приказ есть приказ, и его надо выполнять. Саша понемногу успокоился. Без снаряда танка не подобиёшь — значит, его дело тоже важное. А конь ему достался просто замечательный: старательный, понятливый, вовсе не трусливый. Когда низко над колонной пролетел фашистский самолёт-разведчик, другие лошади рванулись с дороги к обочинам, а Зайчик как шёл, так и продолжал идти.

Перед самым рассветом курсанты подошли к фронту. Они поставили на место пушки, принялись копать укрытия. Товарищи помогли Саше снять снаряды с повозки. И он на Зайчике отправился за новым грузом. Ехать надо было к железной дороге, где она проходит через лес. Ночью паровоз подтащил в то место вагоны со снарядами, патронами и гранатами.

К вагонам съехалось много грузовиков и повозок из других частей. Пока не рассвело, пока не налетели фашистские бомбардировщики, надо было увезти весь боезапас. Саша нагрузил свою

повозку, похлопал Зайчика по шее, и Зайчик тронулся в обратный путь.

Как только солнце поднялось над краем земли, началось сражение. В одну минуту утренняя тишина сменилась грозным грохотом. Гудели и земля и небо. В небе шли самолёты — то чужие, то наши. На земле гроыхали танки, взрывались бомбы и снаряды. В орудийном грохоте Саша различал голоса своих противотанковых пушек. Они били отрывисто, с сухим звоном...

— Стреляйте, стреляйте, голубушки! — шептал Саша, будто пушки были живыми существами и могли услышать его. — Стреляйте, не жалеите снарядов. Мы с Зайчиком привезём вам сколько надо.

Саша и Зайчик проехали лес. Начали спускаться в ложбину, чтобы потом подняться на бугор: за бугром и стояли пушки. До них оставалось километра два, не больше.

В ложбине было сыро. Колёса, окованные железными полосками, глубоко вдавливались в землю. Чтобы помочь Зайчику, Саша сзади налегал плечом на повозку. Верно, поэтому он увидел фашистских автоматчиков, только когда те с разных сторон открыли стрельбу. Это были вражеские разведчики. Саша отбежал от повозки, лёг за кочку и стал стрелять из своего карабина — винтовки с коротким стволом. Он стрелял туда, откуда раздавались автоматные очереди, но скоро у него кончились патроны.

Враги ждали этого. Они хотели взять Сашу в плен. Автоматчиков было десять. Они сразу поднялись из травы и со всех сторон двинулись к повозке. В серо-зелёных мундирах с засученными рукавами, в касках — из-под них смотрели словно не человеческие, стеклянные глаза.

— Рус! Плен, плен! — кричал один фашист.

Саша тоже поднялся с земли, подошёл к повозке. Он был совсем спокоен — паренёк-командир, у которого не было войска, а был только Зайчик.

Саша выпряг Зайчика, замотал повод уздечки, чтобы он не волочился по земле и чтобы конь не наступил на него, погладил Зайчика по шее, потом хлопнул ладонью по крупу и тихо проговорил:

— Беги, Зайчик...

Конь переступил на месте, но не двинулся. Он чувствовал, что пришла беда. Уши его насторожённо поворачивались, тёплые ноздри

втягивали луговой воздух, к запаху которого примешивался запах врага.

— Да беги же!..— прошептал Саша.

И Зайчик побежал. Он пробежал недалеко от немца. Тот повёл автоматом в сторону лошади, но не выстрелил: то ли пожалел, то ли потому, что Зайчик вдруг остановился. Конь повернул голову и смотрел на своего ездового, будто звал его бежать вместе на бугор, к своим пушкам.

А Саша, распорядившись конём, должен был распорядиться теперь армейским имуществом: снарядами, повозкой, карабином. И собой он должен был распорядиться. Как и полагается командиру, он принял решение мгновенно. Это решение сделало бы честь любому артиллеристу, у которого перед лицом врага не было пушки, а были только снаряды.

Фашисты, все десять, уже подошли к Саше. Когда их руки готовы были схватить артиллериста, он поднял над повозкой снаряд и ударил им по другим снарядам.

Тысячи осколков засвистели над травами. Подхлестнутый этим свистом, Зайчик поскакал по лугу. От быстрого бега вокруг Зайчика образовался ветер. Ветер развевал гриву и хвост, бил в глаза и ноздри. Ветер пахнул пороховым дымом, раскалённым железом, сгоревшей землёй. Этот запах шёл от бугра, за которым били пушки. Он шёл и из ложбины, где славно закончил свой первый и последний бой артиллерийский командир.

Глеб Ермолаев пошёл на войну добровольцем. По своей доброй воле он подал заявление в военкомат и просил поскорее отправить его на фронт — сражаться с фашистами. Глебу не было восемнадцати лет. Он мог бы пожить ещё дома полгода или годик — с мамой и сёстрами. Но фашисты наступали, а наши войска отступали; в такое опасное время, считал Глеб, нельзя медлить, надо идти на войну.

Как все молодые солдаты, Глеб хотел попасть в разведку. Он мечтал пробираться в тыл врага, брать там «языков». Однако в стрелковом взводе, куда он прибыл с пополнением, ему сказали, что будет он бронбойщиком. Глеб надеялся получить пистолет, кинжал, компас и бинокль — снаряжение разведчика, а ему дали ПТР, противотанковое ружьё — тяжёлое, длинное, нескладное.

Солдат был молод, но понимал, как это плохо, если не любишь вверенное тебе оружие. Глеб пошёл к командиру взвода, к лейтенанту с не очень хорошей фамилией Кривозуб, и всё рассказал начистоту.

Лейтенант Кривозуб был старше солдата всего на три года. Волосы у него были чёрные, кудрявые, лицо смуглое, а рот полон белых, ровных зубов.

— Так, значит, в разведку? — переспросил лейтенант и, улыбнувшись, показал свои прекрасные зубы. — Я сам о разведке думаю. Давай переименуем стрелковый взвод в разведвзвод и все махнём в тыл к фашистам. Я, — сказал Кривозуб шёпотом, — давно бы это сделал, да вот никак не могу сообразить, кто вместо нас будет оборонять этот участок. Ты, случайно, не знаешь?

— Не знаю, — тоже шёпотом ответил Глеб. Он обиделся на лейтенанта за такой разговор и покраснел от обиды.

— Смелые люди нужны не только в разведке, — сказал лейтенант, помолчав. — Нелёгкое дело досталось тебе, солдат Ермолаев. Ох какое нелёгкое! Ты со своим ПТРом будешь сидеть в самом переднем окопе. И ты непременно подобьёшь танк врага. Иначе он подойдёт к траншее, где обороняется взвод, и всех передавит гусеницами. Пока у нас тихо, с вами, новичками, займётся опытный бронбойщик.

Потом помощника получишь. Ты — первый номер в расчёте, он будет вторым. Иди...

На том участке фронта в то время действительно было тихо. Где-то земля сотрясалась от взрывов, где-то гибли люди, а здесь, на ровном сухом лугу, между двумя рошицами, только кузнечики стрекотали. С настырным усердием извлекали они из своих сухоньких телец однообразные звуки — без передышки, без остановки. Не ведали кузнечики, какой смерч пронесётся над лугом, не знали, как горяча и туга взрывная волна. Если бы ведали, если бы знали, поспешили бы высокими прыжками — через кустики полыни, над кочками — подалее от этих мест.

Солдат Глеб Ермолаев кузнечиков не слышал. Он усердно работал лопатой — рыл свой окоп. Место для окопа было уже выбрано командиром. Отдыхая, когда слабели руки, Глеб старался представить, где пойдёт танк фашистов. Получалось, что танк пойдёт там, где и предполагал командир, — по ложбине, что тянулась через весь луг слева от окопа. Танк, как и человек, тоже старается укрыться в бою в каком-либо углублении, чтобы труднее было попасть в него. А стрелять в танк будут наши пушки, замаскированные в рошицах. Окоп в стороне от ложбины. Когда танк будет на одной линии с окопом, солдат Ермолаев влепит ему в бок бронебойно-зажигательную пулю. На таком расстоянии промахнуться трудно. Пуля пробьёт броню, влетит в танк, попадёт в бак с бензином, или в снаряд, или в мотор — и дело сделано.

Но что, если танков окажется два или три? Что тогда? Представить, как он будет воевать с тремя танками, Глеб не мог. Но не мог он допустить в своих мыслях, что вражеские машины пройдут к траншее. «Пушки подобьют», — успокаивал он себя и, успокоенный, снова принимался долбить лопатой закаменевшую глину.

К вечеру окоп был готов. Глубокий настолько, что в нём можно было стоять во весь рост, он понравился Глебу. Глеб поверил в надёжность укрытия и ещё целый час хлопотал, благоустроивал его. В боковой стенке выкопал нишу для патронов. Ещё выкопал ямку для фляги с водой. Несколько раз уносил в плащ-палатке глину подалее от окопа — чтобы коричневое пятно не выдало врагам его убежище. С этой же целью утыкал ветками полыни насыпь перед окопом.

Второй номер — помощник, обещанный лейтенантом, пришёл к Глебу только в сумерках. Вместе со взводом он тоже занимался

земляными работами — солдаты углубляли траншею, копали ходы сообщения.

Второй номер был втрое старше Глеба. На его небритом лице сияли лукавством голубые глазки. Красноватый носик торчал шильцем. Губы были вытянуты вперёд, словно постоянно дули в невидимую дудочку. Ростом он был мал. Совсем короткими показались Глебу его ноги — в башмаках и обмотках. Нет, не такого товарища ждал броневой бойщик Ермолаев. Ждал опытного бойца, которому с почтением и радостью подчинился бы, которого слушался бы во всём. И первый раз за всю неделю, что был на передовой, Глеб встревожился. Стало ему тоскливо, появилось предчувствие чего-то нехорошего, непоправимого.

— Семён Семёнович Семёнов, — назвал себя второй номер.

Он сел на край окопа, ноги опустил вниз и постучал каблуками о глинистую стенку.

— Крепкая земля. Не обвалится, — сказал понимающе. — Но очень глубоко. Мне из этого окопа только небо будет видно, а мы ведь не по самолётам должны стрелять — по танкам. Перестарался ты, Ермолай Глебов.

— Я по своему росту копал. А зовут меня Глеб Ермолаев. Вы фамилию и имя перепутали.

— Перепутал, — согласился второй номер. — А моё прозвание очень удобное. Заменяй фамилию отчеством, отчество именем — всё равно будет правильно.

Семён Семёнович посмотрел вдаль, туда, где у конца луга серой неясной полоской виднелась просёлочная дорога, и проговорил:

— Длинное у тебя ружьё, а надо бы ещё длиннее. Чтобы достало через луг до дороги. Танки-то оттуда пойдут... Или ствол согнуть — буквой Г. Присел в окопчике — и стреляй в безопасности... Однако, — тут голос Семёна Семёновича стал строгим, — сделал ты, Глеб Ермолаев, ещё одну ошибку — выкопал окоп на одного. Мне на лугу, что ли, лежать? Без укрытия? Чтобы меня в первую минуту убили?

Глеб покраснел, как в разговоре о разведке с лейтенантом Кривоzubом.

— То-то! Ты — первый номер, командир. Я — второй номер, подчинённый. А мне приходится учить тебя. Ну ладно, — закончил Семён Семёнович великодушно, — завтра и мне ямку прикопаем. Не велика работа. Я сам-то не велик...

Последние слова растрогали Глеба. Ночью он долго не мог заснуть. Через шинель, постеленную на земле, кололи то ли камешки, то ли жёсткие корешки. Он поворачивался, чтобы было удобнее, слушал, как ходит часовой вдоль траншеи, и думал о Семёне Семёновиче. «Он, верно, добрый человек. Они, верно, подружатся. А окоп Глеб сам доделает. Пусть Семён Семёнович отдыхает. Он и стар. Он и мал. Ему на войне вот как тяжело!»

Прикопать окоп не удалось. На рассвете заухали взрывы. На рощицы пикировали самолёты и сбрасывали бомбы. Страшнее взрывов был вой пикировщиков. Чем ниже скользил самолёт к земле, тем невыносимее становился рёв его моторов. Казалось, что с этим душераздирающим воплем самолёт врежется в землю и она разлетится, словно стеклянная. Но самолёт над самой землёй выходил из пике, круто лез в небо. И земля не разлетелась, как стеклянная, она вздрагивала, на ней вздувались чёрные волны комков и пыли. На гребнях тех волн качались и кувыркались берёзы, вырванные с корнем.

— По местам! По местам! — кричал лейтенант Кривоzub. Он стоял у траншеи, смотрел в небо, стараясь определить, будут ли фашисты бомбить взвод или сбросят все бомбы на тех, кто занимал оборону по опушкам рощиц.

Самолёты улетели. Лейтенант повернулся, оглядел солдат, притихших на своих местах. Прямо перед собой он увидел Глеба с противотанковым ружьём и Семёна Семёновича.

— Ну, вы что? Идите! — сказал он негромко. — Сейчас будет атака...

— Я один. Второму номеру остаться в траншее! — выкрикнул Глеб, вылезая на бруствер. И добавил, объясняя своё решение: — У нас окоп только на одного...

Глеб тревожился, что не успеет подготовиться к отражению атаки. Он спешно расставил сошки противотанкового ружья, зарядил ружьё, поправил полынные веточки перед окопом, чтобы не мешали смотреть и стрелять, снял с ремня флягу, положил в ямку... А врагов всё не было. Тогда он посмотрел назад, на траншею взвода, и не увидел её — то ли она была так ловко замаскирована, то ли была очень далеко. Глебу стало тоскливо. Ему показалось, что он один-одинёшенек на этом голом лугу и все забыли о нём — и лейтенант Кривоzub и Семён Семёнович. Захотелось сбегать проверить — на месте ли взвод? Не ушли ли солдаты в другое место?

Желание это было такое сильное, что он начал выбираться из окопа. Но тут — и близко, и далеко — стали с грозным треском лопаться мины. Фашисты обстреливали позицию взвода. Глеб пригнулся в своём окопе, слушал взрывы и думал: как выглянуть из окопа, чтобы осмотреться? Высунешь голову — осколком убьёт! И нельзя не выглянуть — может, враги уже совсем близко...

И он выглянул. По лугу катился танк. Позади редкой цепью, пригибаясь, бежали автоматчики. Самое неожиданное и потому очень страшное было то, что танк двигался не по ложбине, как предполагал лейтенант, не в стороне от окопа, а прямо на окоп бронебойщика. Лейтенант Кривозуб рассуждал правильно: танк поехал бы по ложбине, если бы в него стреляли из рожиц пушки. Но наши пушки не стреляли, они погибли под бомбёжкой. И фашисты, остерегаясь, что ложбина заминирована, пошли напрямую. Глеб Ермолаев готовился стрелять в борт фашистского танка, где броня тонкая, а приходилось теперь стрелять в лобовую броню, которую и не каждый снаряд возьмёт.

Танк приближался, гремя гусеницами, покачиваясь, будто кланяясь. Позабыв об автоматчиках, бронебойщик Ермолаев втиснул приклад ружья в плечо, прицелился в смотровую щель водителя. И тут сзади длинной очередью вдруг ударил пулемёт. Пули зашвистели рядом с Глебом. Не успев ни о чём подумать, он выпустил ПТР из рук и присел в окопе. Он испугался, что свой пулемётчик зацепит его. А когда Глеб сообразил, что пулемётчик и стрелки взвода бьют по фашистским автоматчикам, чтобы не подпустить их к Глебову окопу, что они прекрасно знают, где его окоп, стрелять по танку было уже поздно. В окопе стало темно, как ночью, дохнуло жарой. Танк наехал на окоп. Грохоча, крутился на месте. Зарывал в землю бронебойщика Ермолаева.

Как из глубокой воды, Глеб рванулся из своего засыпанного окопа. То, что спасён, солдат понял, вдохнув воздух сквозь забитый землёй рот. Он тут же открыл глаза и увидел в синем бензиновом дыму корму уходящего танка. И ещё увидел своё ружьё. Оно лежало полузасыпанное, прикладом к Глебу, стволом в сторону танка. Верно, ПТР попало между гусеницами, крутилось вместе с танком над окопом. В эти тяжкие минуты и стал Глеб Ермолаев настоящим солдатом. Он рванул к себе ПТР, прицелился, выстрелил — с обиды за свою оплошность, искупая вину перед взводом.

Танк задымил гуще, чернее. Дым шёл не из выхлопных труб, а из туловища танка, находя для выхода щели. Потом вырвались с боков и из кормы плотные, чёрные клубы, перевитые лентами огня. «Подбил!» — ещё не веря в полную удачу, сказал Глеб самому себе. И поправил себя: «Не подбил. Поджёл».

За тучей чёрного дыма, стелившегося по лугу, ничего не было видно. Только слышалась стрельба: солдаты взвода довершали схватку с вражеским танком. Вскоре из дыма выскочил лейтенант Кривозуб. Он бежал с автоматом к ложбине, где укрылись после гибели танка вражеские автоматчики. За командиром бежали солдаты.

Глеб не знал, что делать ему. Тоже бежать к ложбине? С противотанковым ружьём не очень-то побежишь, вещь тяжёлая. Да и бежать он не мог.

Он так устал, что ноги еле держали его.

Глеб сел на бруствер окопа.

Последним из дымовой завесы выбежал маленький солдатик. Это был Семён Семёнович. Он долго не мог вскарабкаться на насыпь перед траншеей и отстал. Семён Семёнович заметался на лугу — рванулся к ложбине за всеми, потом метнулся в сторону Глеба, увидев его, сидящего на земле. Подумал, что первый номер броневой расчёта ранен, нуждается в перевязке, и побежал к нему.

— Не ранен? Нет? — спросил Семён Семёнович и успокоился. — Ну, Ермолай Глебов, крепко ты его ударил...

— Да не Ермолай я, — сказал Глеб с досадой. — Когда же вы запомните это?

— Всё я помню, Глеб! Так это я говорю, от неловкости. Мы же вдвоём должны были бить его. А ты, видишь, в траншее меня оставил...

— И правильно, окоп-то был на одного.

— Правильно, да не очень. Вдвоём-то повеселее было бы...

Глебу от этих слов и от всего, что произошло, стало так хорошо, что он чуть не заплакал.

— Эх, Семён Семёнович, — сказал он, и голос его задрожал. — Насидимся мы ещё вдвоём. И танки вдвоём подобьём. А этот, наш первый, близко к траншее подошёл?

— Близко. Фашисты из него выскакивали прямо к нам на винтовки.

...Минуло ещё несколько тревожных дней — с бомбёжками, с артиллерийским и миномётным обстрелом, а потом всё стихло. Наступление фашистам не удалось. В тихие дни Глеба Ермолаева вызвали в штаб полка. Лейтенант Кривоzub рассказал, как идти туда.

В штабе полка, в овраге, заросшем густыми кустами, собралось много народу. Оказалось, это были бойцы и командиры, отличившиеся в недавних боях. От них Глеб узнал, что происходило справа и слева от его взвода: фашисты наступали полосой в несколько километров и нигде им не удалось прорвать нашу оборону.

Из штабной землянки, вырытой в склоне оврага, вышел командир полка. Храбрецы уже стояли ровным строем. Их вызывали по списку, они по очереди выходили и получали награды. Выкликнули Глеба Ермолаева. Полковник, человек строгий, но, судя по глазам, и весёлый, увидев перед собой совсем молодого солдата, подошёл к Глебу и спросил, как отец спрашивает сына:

— Страшно было?

— Страшно, — ответил Глеб. — Струсил я.

— Это он-то струсил! — закричал вдруг задорным голосом полковник. — На нём танк фокстрот танцевал, а он танцы перетерпел и изуродовал немцам машину, как бог черепаху. Нет, ты скажи прямо, не скромничай — не боялся ведь?

— Струсил, — снова сказал Глеб. — Я танк случайно подбил.

— Вот, слышите? — закричал полковник. — Вот молодец! Да кто бы тебе поверил, если бы сказал — не струсил. Как же не бояться, когда на тебя одного такая штука лезет! Но насчёт случайности ты, сынок, ошибаешься. Подбил ты его закономерно. Ты в себе страх переборол. Загнал свой страх в башмаки под пятки. Тогда уж и целился смело и смело стрелял. За подвиг тебе полагается орден Красной Звезды. Дырочку на гимнастёрке что же не проткнул? Имей в виду, как ещё танк сожжёшь, так протыкай дырочку — будет ещё орден.

Глеб Ермолаев был в смущении от похвалы командира. Однако, получив коробочку с орденом, не забыл сказать:

— Служу Советскому Союзу!

На военном языке «язык» — это не то, что есть у каждого во рту, а пленный, который много знает о своих войсках. Ни один хороший командир не начнёт наступление, пока не допросит «языка», не узнает от него, сколько солдат у неприятеля, сколько танков, где стоят пушки, пулемёты, что неприятель готовится делать. Вот наш генерал, прежде чем повести дивизию в атаку, и приказал достать «языка». Для такого важного дела дал он разведчикам неделю срока.

А фашисты загородили свои позиции колючей проволокой. В снегу мины закопали. На проволоке развесили пустые консервные банки и бутылки. Чуть коснётся кто проволоки — поднимется звон. И тогда вспыхивают в небе осветительные ракеты, а в то место, где звон раздался, летят фашистские пули. Двоих разведчиков ранило. Неделя подходила к концу, но «языка» разведчики не достали.

Похудели разведчики от заботы, ходят хмурые, всё ломают головы, как достать фашиста — «языка». И вот один, звали его Серёжа Скороходов, придумал. Он сам так обрадовался этому, что крикнул во весь голос:

— Придумал!

Хотя кричать в его положении было нельзя. Скороходов лежал в снегу перед немецкими позициями и разглядывал их в бинокль. Немцы слышали крик, зимняя ночь осветилась огнём ракет, наполнилась треском автоматов и пулемётов.

— Пугайте, пугайте,— проговорил Серёжа, на этот раз шёпотом, и пополз к своей траншее.

Скоро он был в землянке разведчиков. Рассказав о своём плане, он улёгся спать. Спал Скороходов крепко и долго — до позднего утра. Товарищи не будили его. Принесли завтрак в котелке, на печурку поставили, чтобы не остыл. Солдату надо было набраться сил. Предстояла ему тяжёлая работа.

Днём Скороходова вызвал генерал.

— Ну-ка расскажи поподробнее, что ты удумал? — сказал он. — Где ты перейдёшь к немцам?

— Поползу я, товарищ генерал, по шоссе, — ответил Скороходов, — по самой серединочке.

— Так тебя же подстрелят, как воробья! — рассердился генерал. — Разве не знаешь, что дорога с обеих сторон простреливается из пулемётов?

— Погодите, товарищ генерал, не сердитесь! Мне бы листок да карандаш.

И Скороходов нарисовал рисунок.

— Правильно, — начал объяснять рисунок разведчик. — Из обоих дотов и справа и слева бьют немцы по шоссе пулемётными очередями. Да только они чуть-чуть просчитались. Не могут они опустить пулемётные стволы низко — мешают амбразуры. И остаётся на самой середине шоссе треугольничек, свободный от пуль. Я их стрельбу три ночи наблюдал. Даже красиво получается, товарищ генерал: пули трассирующие, летят, светятся и, как разноцветные струи, над серединой дороги перекрещиваются. Под этим перекрестием и проползу. Маленький треугольничек получается, но проползти в нём можно без опасности.

— Хорошо, просто очень хорошо! — восхитился генерал. — А как ты найдёшь ночью в темноте этот безопасный лаз?

— Найду, — успокоил Скороходов генерала, — ползти мне надо мимо кола, рядом с которым висит банка, на той банке ананас нарисован.

— Какой ты молодец! — снова восхитился генерал. На прощание он обнял солдата и пожелал ему счастливого и скорого возвращения.

В дорогу Скороходов оделся тепло. На нём были шапка, телогрейка, ватные штаны, валенки, поверх всего — два белых маскировочных костюма: второй костюм был для немца. Из оружия разведчик взял автомат, пистолет, нож, две гранаты и ножницы, чтобы резать проволоку. Он не думал долго задерживаться у неприятеля, поэтому из еды сунул в карман только плитку шоколада.

Поздней ночью Скороходов пополз к немцам. Полз он в глубоком снегу, как крот в земле, и подобрался к проволоке незамеченным. Теперь ему надо было найти банку с ананасом. Ночь для разведчика выдалась удобная: не светлая и не тёмная, какая-то серая, издали ничего не видать, а вблизи видно. Но как ни таращил глаза Скороходов, не мог найти банку с ананасом. Приметная банка затерялась среди множества банок и бутылок.

На счастье, где-то в стороне что-то встревожило немцев, они выпустили в пасмурное небо осветительную ракету. Скороходов приподнял голову от снега и в белом дрожащем свете увидел прямо перед собой свой ориентир.

«Порядок!» — подумал Скороходов.

Дождавшись, когда догорела ракета, он принялся резать проволоку.

Дул лёгкий ветер. Звуковая сигнализация немцев позвякивала сама собой. Звон банок и бутылок, потревоженных нашим бойцом, невозможно было различить. Прорезав проход и убедившись, что нет в нём мины, разведчик сунул ножницы поглубже в снег и снова пополз.

Фашисты спали в своих блиндажах. Блиндажи были на ночном снегу как большие сугробы. От этих сугробов тянуло дымом — под слоем снега, земли и брёвен топились печки.

«Сунуть бы в трубу гранату, — подумал в сердцах Скороходов, — сразу бы сон отшибло!»

«Язык» Скороходову всё не попадался. Можно было взять часового в траншее неподалёку от проволочного заграждения. Но часовой много не знает, это «язык» третьесортный. Нужен был офицер.

Время шло уже к утру, когда усилился ветер. Он дул всё резче, и скоро завывала, засвистела метелица.

«Теперь ни один путный фриц носа наружу не высунет», — огорчился Скороходов.

И он терпеливо ждал, зарывшись в снег в стороне от большого сугроба. Под этим сугробом, по предположению разведчика, жило какое-то начальство.

Настало утро. Но темно было по-прежнему, даже темнее. Между землёй и небом носились снежные вихри. Порой казалось, что снег летит не сверху вниз, а с земли на небо. Вьюга разгулялась вовсю. И в это время из блиндажа вышел фашист. Он был по пояс голый, в щегольских галифе и кожаных сапогах. Фашист нагнулся, захватил руками снег, бросил его себе на живот, на грудь, в лицо.

— Сибир-р-р! — кричал фашист в восторге и растирался снегом. — Сибир-р-р! Мор-р-рос-с-с!..

«Знал бы сибирский мороз, не драл бы глотку, — проговорил про себя Скороходов. Разведчик очень рассердился на немца. —

Вынесло тебя, полуголого. Что я с тобой, дураком, теперь делать буду? Намаюсь я с тобой. А офицер ты, видать, важный...»

Разведчик кошкой подкрался к фашисту, оглушил его и, сунув ему в рот рукавицу и связав шнуром руки, потащил к дороге.

Ещё готовясь к заданию, изучая карту, Скороходов отметил на дороге у немцев маленький мосток через ложбину. Это было единственное известное разведчику убежище. Мосток находился в полукилометре от блиндажей. Нужно было спешить и спешить. Приятели немца беспокоятся, что полуголый человек долго стоит на морозе, выглянут наружу, поднимут тревогу. Будь «язык» одетый — другое дело. Одетого можно было сразу тащить к себе. Его долго не хватились бы... Такие мысли мелькали в голове Серёжи Скороходова, пока он, задыхаясь, застревая в глубоком снегу, тащил немца к мостку.

У мостка разведчик, совершенно обессилев, повалился в снег. Так он лежал рядом с пленным какие-то короткие минуты, отдыхал. И чуть силы стали возвращаться, встал, протолкнул пленного сквозь сугроб под настил и сам на четвереньках заполз туда.

Убежище оказалось довольно вместительным: в нём можно было сидеть. Правда, голова упиралась в обледеневшие брёвна, ноги — в край канавы, но разведчик не замечал этих неудобств.

До светлого времени оставалось совсем немного. Серёжа Скороходов волновался: успеет ли метель замести его следы? Он надеялся, что немцы не будут искать у дороги, тем более под дорогой. Они, вероятнее всего, будут прочёсывать ближний лес. А зимний день короткий, в четыре уже смеркается. Он спокойно дождётся ночи... Подумав обо всём этом и ещё о том, что будущей ночью немцы станут во все глаза следить за передним краем, Серёжа занялся пленником.

Фашист уже пришёл в себя, тупо смотрел на советского солдата и не мог понять, где он, что с ним случилось. Немец был упитанный, белый, круглоголовый, лет сорока — вдвое старше Серёжи. Да и толще он был, пожалуй, вдвое.

Наш разведчик показал пленному автомат и спросил:

— Ферштеен? Понятно?

Тот закивал головой, показывая, что всё понял.

— Штиль. Тихо, — продолжал разговор Скороходов. — Ты знаешь, что такое штиль на море? Ни ветерка, ни волны... Будешь «штиль» — жив останешься.

Немец опять закивал головой, хотя понял из всей фразы только одно слово.

— Ну вот, договорились, сейчас одеваться будем, — подмигнул ему Серёжа, принимаясь стаскивать с себя маскировочные костюмы. Он положил их около немца, развязал ему руки...

«Язык» уже был синим от холода. Он моментально натянул обе куртки, штанами обмотал голову, как чалмой, и другие штаны накинул на плечи. Глядя немигающими глазами на разведчика, немец медленно вытянул изо рта рукавицу и надел её себе на руку.

— Ну и нахал! — обругал Серёжа «языка», но рукавицу не стал отбирать, даже дал вторую, зато снова связал ему руки.

Наступил день. На дороге послышалось гудение и скрежет. Ехал снегоочиститель. Разведчик вынул обе гранаты и положил их рядом. Немец понял, что если случится сейчас бой, то кончится он и для него самого и для разведчика одинаково. Обещая не предпринимать никаких действий, пленный шёпотом проговорил:

— Штиль...

— Гут! Хорошо, — ответил тоже шёпотом Серёжа, а сам в тревоге подумал: «Замело ли у дороги следы?»

Снегоочиститель скрёб дорогу над мостком. Брёвна скрипели, с них сыпались ледышки. И тут в убежище вдруг потемнело. Снегоочиститель сбросил в канаву гору снега и совсем завалил вход. «Теперь определённо не найдут», — успокоился разведчик.

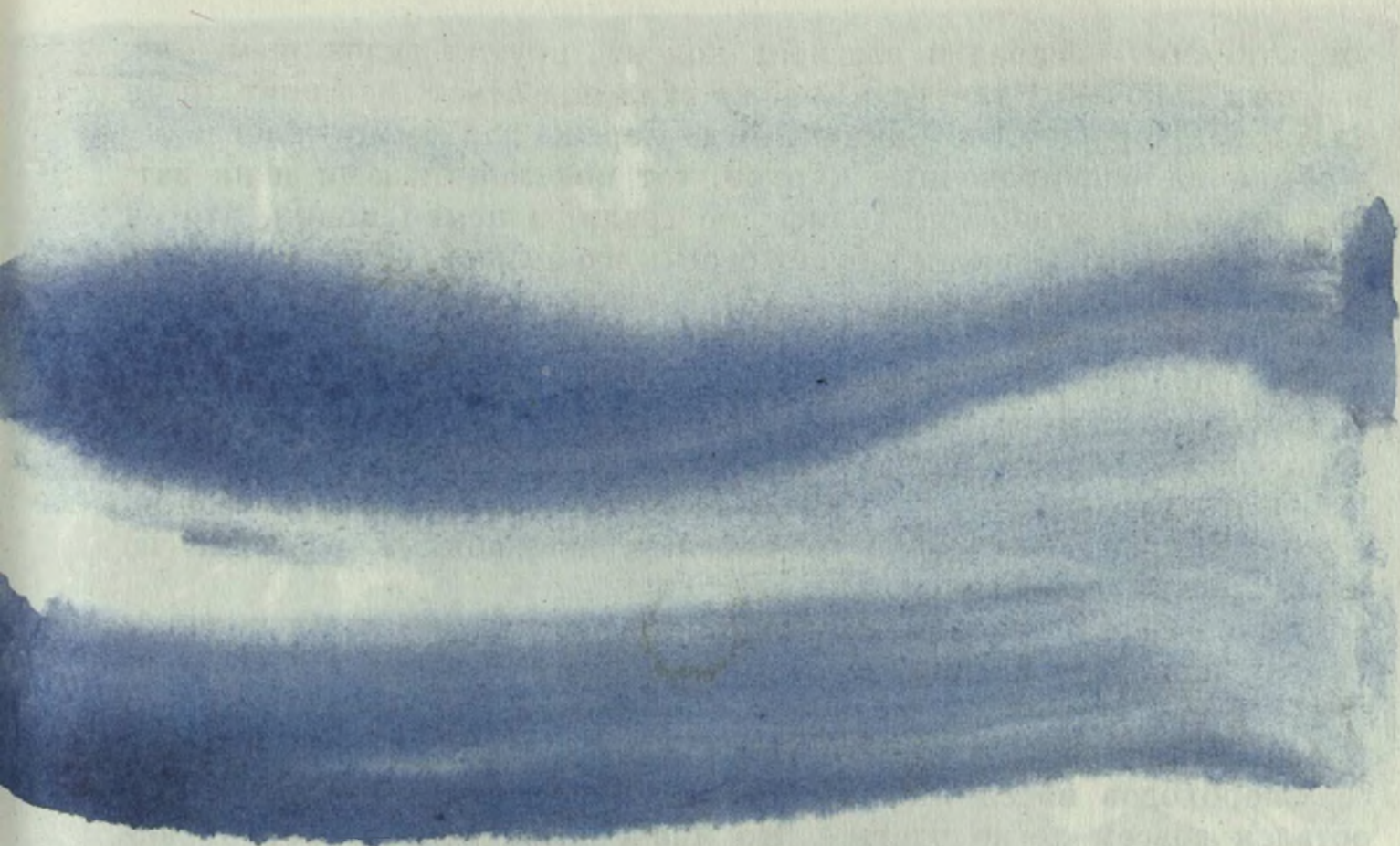
Буря наверху не утихала. Немецкие солдаты по пояс в снегу прочёсывали лес. Опасаясь нарваться на автоматную очередь, совали палки под еловые лапы, засыпанные метелью, кричали... У врага никто не сомневался, что офицер похищен советскими разведчиками.

Буря кружил снеговые облака и над нашими позициями, над пушками, над танками, над землянкой разведчиков — товарищей Серёжи Скороходова, над землянкой генерала.

Серёжины товарищи много раз за день выбирались из землянки наружу, подолгу смотрели в сторону немецких позиций. Но что можно было разглядеть, если в десяти шагах всё пропадало в снеговой мукé? И генерал тоже выходил, хотя, конечно, как и разведчики, знал, что Серёжа, если сумеет, вернётся только ночью.

В конце дня пленный раздел Серёжу. Нет, ничего опасного для нашего разведчика не случилось. Но пришлось ему отдать немцу свою телогрейку. Хотя немец всё время делал гимнастические

упражнения — сгибал и разгибал колени, крутил туловищем, — он всё-таки заоченел так, что Серёжа стал опасаться: доставит ли он «языка» в хорошем состоянии? Когда Серёжа дал немцу телогрейку в обмен на маскировочные куртки, тот показал глазами и на ватные штаны. Офицерские галифе не грели, а немец понял, что он «язык», поэтому разведчик будет беречь его больше, чем самого себя. Из этого обстоятельства немец хотел извлечь наибольшую выгоду.

— А вот этого не хочешь? — показал ему Серёжа фигу.

Но внушительной фигуры не получилось. Замерзшие пальцы не гнулись, по всему телу Серёжи пробегала дрожь. Потом эта дрожь сама собой утихла, будто бы потеплело, стало клонить в дремоту. Серёжа испугался: так ведь замерзают люди зимой. Теперь уже он, а не пленный сидя делал гимнастику, движениями разгонял по жилам остывшую кровь.

Ночью перед выходом из убежища разведчик разломил пополам плитку шоколада и одну половинку скормил «языку».

— Ешь, ешь, — приговаривал Серёжа Скороходов, — подкрепляйся. Тащить я тебя не намерен. Своим ходом пойдёшь.

Скороходов надел на пленного маскировочный костюм, а сам остался совсем легко одетым. Но иначе было нельзя. Теперь всё дело состояло в том, чтобы белыми тенями, слившись со снежными вихрями, с курящимися сугробами, проскользнуть через линию фронта.

Разведчик и «язык» шли в стороне от дороги снежным полем. Немец — впереди, наш — за ним. Вдруг немец остановился и обернулся к разведчику. Сказать он ничего не мог, во рту у него снова была рукавица. Но Серёжа понял, что тот хотел сказать: «Ничего у тебя, Иван, не выйдет. Германские солдаты знают своё дело».

Всё пространство между вражескими и нашими позициями — ничейная полоса — было освещено. Как только начинали угасать одни осветительные ракеты, немцы пускали новые.

«Плохо, — подумал Серёжа. — Надо бы ещё сутки посидеть под мостом. Завтра они не будут так жечь свою иллюминацию. Но разве высидишь ещё день и ночь в такой холод? Или «язык» замёрзнет, или я. И то и другое — плохо. Нужно обоим остаться живыми».

Двое людей — враги друг другу — снова шагали, будто плыли по снежным волнам. А потом Серёжа развязал пленному руки, и они поползли. Когда выползли на дорогу у проволочных заграждений, «язык» заупряился. Он смирился со своей участью, однако

боялся, что его убьёт своя же, немецкая пуля. Разведчик погрозил автоматом. Но не автомат испугал фашиста, а Серёжины глаза. Видно их было как днём, потому что осветительные ракеты — «лампы», так их звали наши солдаты, — горели прямо над дорогой. Немец пополз.

— Шнель! Быстрее! — закричал Серёжа Скороходов изо всех сил.

Таиться было бесполезно, немцы заметили две белые фигуры, распластавшиеся в снегу. Из обоих дотов по ним ударили пулемёты.

Серёже Скороходову теперь нужно было направить «языка» в безопасное место, в тот треугольник, где не летели пули. Поменяться местами с «языком», чтобы показать дорогу, он не мог: «язык» был тихий, пока чувствовал автомат за собой. Разведчик стал легонько постукивать его автоматом — то справа, то слева. Немец понял, что у разведчика есть лаз, и слушался.

Пули свистели над самой головой, ветер тоже свистел, и сыпал снег. От ветра, от пуль звенели, звякали банки и бутылки на колючей проволоке.

Но Серёжа никаких звуков не слышал. Все его мысли, вся воля были отданы тому, чтобы преодолеть небольшое уже расстояние, отделявшее от своих.

По суматохе у немцев наши поняли, что разведчик возвращается с задания. И тут артиллеристы, ждавшие этого события с вечера, ударили по фашистским дотам снарядами — треугольник треугольником, а так было надёжнее, так было вернее обезопасить путь своему бойцу.

Немцы тоже ударили по дороге из пушки. Грохот взрывов заглушил все другие звуки вьюжной ночи. Мёрзлая земля, разбитая на комья и пыль, взлетала вверх и опускалась на белый снег чёрными кругами. Но было это уже не опасно. «Язык», а следом и разведчик скатились в нашу траншею.

— Вот вам «язык», — сказал Серёжа товарищам-разведчикам, которые встречали его в траншее. — «Язык» тёплый...

Утром Скороходова вызвал генерал. Но Серёжа не мог подняться с топчана в землянке. У него был сильный жар: промёрзнув, он тяжело заболел. Генерал сам пришёл в землянку разведчиков.

— Спасибо! — сказал он Серёже Скороходову. — «Языка» ты достал очень хорошего. Мы и без него знали о противнике много,

но он рассказал такое, что было неизвестно. Фашисты сумели незаметно подтянуть на наш участок танки: нам они здесь здорово помешали бы. А теперь эти танки не страшны. Я уже связался с лётчиками. Пикирующие бомбардировщики перед атакой разобьют их бомбами. Говори, какую награду тебе дать? И не скромничай. Представь, сколько наших бойцов ты уберёг от смерти!..

— Товарищ генерал, пусть меня не отправляют в госпиталь, — попросил Серёжа. — Я тут у своих поправлюсь скорее...

— Нет уж, — ответил генерал, — в госпиталь тебя отправят. Завтра твои товарищи будут далеко от этих мест, не лежать же

тебе в землянке одному. Завтра начинаем наступление. А награду я тебе выберу сам.

К генералу подошёл его адъютант со шкатулкой. В шкатулке лежали разные ордена и медали.

— Ты достоин, — сказал генерал, — ордена Отечественной войны, носи его с гордостью.

Серёжа Скороходов взял орден, и генерал, как полагается в таких случаях, пожал ему руку. Серёжина рука была горячая. Генерал долго держал её.

— Ты пей все лекарства, — сказал он. — И горчичники держи подольше. Не боишься горчичников? Ух и жгут они!

— Не боюсь, — улыбнулся Серёжа Скороходов.

МЕШОК ОВСЯНКИ

В ту осень шли долгие холодные дожди. Земля пропиталась водой, дороги раскисли. На просёлках, увязнув по самые оси в грязи, стояли военные грузовики. С подвозом продовольствия стало очень плохо. В солдатской кухне повар каждый день варил только суп из сухарей: в горячую воду сыпал сухарные крошки и заправлял солью.

В такие-то голодные дни солдат Лукашук нашёл мешок овсянки. Он не искал ничего, просто привалился плечом к стенке траншеи. Глыба сырого песка обвалилась, и все увидели в ямке край зелёного вещевого мешка.

— Ну и находка! — обрадовались солдаты. — Будет пир горой... Кашу сварим!

Один побежал с ведром за водой, другие стали искать дрова, а третьи уже приготовили ложки.

Но когда удалось раздуть огонь и он уже бился в дно ведра, в траншею прыгнул незнакомый солдат. Был он худой и рыжий. Брови над голубыми глазами тоже рыжие. Шинель выношенная, короткая. На ногах обмотки и растоптанные башмаки.

— Эй, братва! — крикнул он сиплым, простуженным голосом. — Давай мешок сюда! Не клали — не берите.

Он всех просто огорошил своим появлением, и мешок ему отдали сразу.

Да и как было не отдать? По фронтовому закону надо было отдать. Вещевые мешки прятали в траншеях солдаты, когда шли в атаку. Чтобы легче было. Конечно, оставались мешки и без хозяина: или нельзя было вернуться за ними (это если атака удавалась и надо было гнать фашистов), или погибал солдат. Но раз хозяин пришёл, разговор короткий — отдать.

Солдаты молча наблюдали, как рыжий уносил на плече драгоценный мешок. Только Лукашук не выдержал, съязвил:

— Вон он какой тощий! Это ему дополнительный паёк дали. Пусть лопают. Если не разорвётся, может, потолстеет.

Наступили холода. Выпал снег. Земля смёрзлась, стала твёрдой. Подвоз наладился. Повар варил в кухне на колёсах щи с мясом, гороховый суп с ветчиной. О рыжем солдате и его овсянке все забыли.

Готовилось большое наступление.

По скрытым лесным дорогам, по оврагам шли длинные вереницы пехотных батальонов. Тягачи по ночам тащили к передовой пушки, двигались танки.

Готовился к наступлению и Лукашук с товарищами. Выло ещё темно, когда пушки открыли стрельбу. Посветлело — в небе загудели самолёты.

Они бросали бомбы на фашистские блиндажи, стреляли из пулемётов по вражеским траншеям.

Самолёты улетели. Тогда загромыхали танки. За ними бросились в атаку пехотинцы. Лукашук с товарищами тоже бежал и стрелял из автомата. Он кинул гранату в немецкую траншею, хотел кинуть ещё, но не успел: пуля попала ему в грудь. И он упал. Лукашук лежал в снегу и не чувствовал, что снег холодный. Прошло какое-то время, и он перестал слышать грохот боя. Потом свет перестал видеть — ему казалось, что наступила тёмная тихая ночь.

Когда Лукашук пришёл в сознание, он увидел санитаря. Санитар перевязал рану, положил Лукашука в лодочку — такие фанерные саночки. Саночки заскользили, заколыхались по снегу. От этого тихого колыхания у Лукашука стала кружиться голова. А он не хотел, чтобы голова кружилась, — он хотел вспомнить, где видел этого санитаря, рыжего и худого, в выношенной шинели.

— Держись, браток! Не робей — жить будешь!.. — слышал он слова санитаря.

Чудилось Лукашуку, что он давно знает этот голос. Но где и когда слышал его раньше, вспомнить уже не мог.

В сознание Лукашук снова пришёл, когда его перекладывали из лодочки на носилки, чтобы отнести в большую палатку под соснами: тут, в лесу, военный доктор вытаскивал у раненых пули и осколки.

Лёжа на носилках, Лукашук увидел саночки-лодку, на которых его везли до госпиталя. К саночкам ремёнными постромками были привязаны три собаки. Они лежали в снегу. На шерсти на-

мёрзли сосульки. Морды обросли инеем, глаза у собак были полу-закрыты.

К собакам подошёл санитар. В руках у него была каска, полная овсяной болтушки. От неё валил пар. Санитар воткнул каску в снег постудить — собакам вредно горячее. Санитар был худой и рыжий. И тут Лукашук вспомнил, где видел его. Это же он тогда спрыгнул в траншею и забрал у них мешок овсянки.

Лукашук одними губами улыбнулся санитару и, кашляя и задыхаясь, проговорил:

— А ты, рыжий, так и не потолстел. Один слопал мешок овсянки, а всё худой.

Санитар тоже улыбнулся и, погладив ближнюю собаку, ответил:

— Овсянку-то они съели. Зато довели тебя в срок. А я тебя сразу узнал. Как увидал в снегу, так и узнал... — И добавил убеждённо: — Жить будешь! Не робей!

РАКЕТНЫЕ СНАРЯДЫ

Все видели ракеты: кто на параде видел, кто в кино, кто на картинке. Ракеты огромные — иная высотой с дерево. А начались теперешние ракеты с эрэсов — ракетных снарядов. Ими стреляли «катюши».

В начале войны никто ничего не знал об этих первых ракетах. Их хранили в тайне, чтобы фашисты не могли сделать себе такие же.

Не знал о них и наш солдат — сапёр Кузин.

Вот что однажды с ним случилось.

С самого вечера, как стемнело, командир послал Кузина ставить в лощинке мины. Чтобы вражеские танки не могли по этой лощинке подобраться к нашим окопам.

Ставить мины нелёгкое дело. Фашисты пускают в небо осветительные ракеты. Одна ракета догорает, вспыхивает другая. И всё вокруг — даже былочку полыни, торчащую из снега, — видно как днём. Кузина спасал от немецких наблюдателей маскировочный костюм. Поверх ватных брюк и телогрейки на сапёре были надеты белая куртка с капюшоном и белые шаровары.

Сапёр поставил мины, засыпал их снежком и пополз назад, в окопы к пехотинцам. Там он рассказал, где стоят мины, даже рисунок сделал — чтобы нашим на наши же мины не наскочить, и пошёл в свою часть.

Он шёл ночным лесом. В лесу было тихо, только изредка шлёпались с веток снеговые комки. Воздух был не по-зимнему тёплый — приближалась весна. Настроение у Кузина было хорошее. Мины он поставил удачно: пехотинцы довольны. А ещё знал он, что ждут его в землянке товарищи, беспокоятся о нём, чаёк держат на печке горячим.

В то время, когда Кузин засыпал снегом мины, недалеко от землянки сапёров остановились странные автомобили. На них, как лестницы на пожарных машинах, были подняты лёгкие металлические рельсы. Потом подъехали обычные грузовики. В их кузовах

лежали ракетные снаряды. Солдаты снимали снаряды с грузовиков и клали на рельсы боевых машин. «Катюши» — а это были они — готовились ударить по фашистским танкам.

Фашисты догадывались, что за их танками, притаившимися у переднего края, будет охота. Они послали в ночную разведку самолёт. Самолёт пролетел над лесом раз, другой. Ничего не обнаружил и, улетаая, на всякий случай пустил пулемётную очередь. Кузин видел, как с неба в лес пронеслась цепочка красных огоньков — светящихся пуль. Сапёр подумал, что если бы он шёл чуть скорее, то в самый раз угодил бы под эти пули. А теперь они, сбив несколько берёзовых веток, ушли под снег и впились в мёрзлую землю.

Но надо же случиться такому! Одна пуля попала в ракетный снаряд, лежавший на снегу. Она пробила ту часть, где был пороховой двигатель. Порох вспыхнул. И снаряд пополз. Если бы он был нацелен в небо, он тут же улетел бы. Но он лежал на снегу и мог только ползти.

Снаряд с рёвом полз по лесу, натыкался на деревья, кружился около них, обжигая пламенем кору и ветки. Потом, взобравшись на кочку, вдруг ринулся вперёд по воздуху и снова плюхнулся в снег в нескольких шагах от сапёра Кузина.

Сапёр не раз бывал под обстрелом, под бомбёжкой, никогда не терял присутствия духа, а тут испугался так, что стоял столбом.

Горючее в ракетном снаряде кончилось, и он, подпрыгнув раз, другой, затих в кустах можжевельника. А Кузин, крадучись, отошёл от него и кинулся бежать.

В землянке сапёр рассказал товарищам о том, что с ним случилось. Товарищи посочувствовали Кузину и изругали непонятную бешеную штуку последними словами. А лейтенант сапёров накинул полушубок и пошёл узнать, в чём дело.

Скоро он увидел «катюши», разыскал их командира и стал выговаривать ему:

— Это что же получается? До полусмерти напугали своего же солдата! Могли бы беды наделать. Вдруг снаряд взорвался бы...

— Прошу простить нас, — сказал командир «катюш», — да только мы не виноваты. Это фашист поджёг эрэс. А взорваться он не мог. В нём не было взрывателя. Как раз сейчас мои солдаты ввёртывают взрыватели. Пройдёт десять минут, и мы дадим залп раке-

тами по фашистским танкам. Вот уж кого напугаем! Не до полусмерти — до смерти! Скажите своему сапёру — пусть погодит спать, а посмотрит, как мы стреляем.

Сапёры стояли у землянки, когда за чащей деревьев в снег ударили оранжевые языки огня. Воздух наполнился рёвом и грохотом. Огненные следы полоснули чёрное небо. Вдруг всё стихло. А через

какие-то минуты за линией наших окопов и ещё дальше — там, где притаились танки врага, — заухало и заколотило. Это взрывались эрэсы — ракетные снаряды.

Перед тем как лечь спать, сапёры заставили Кузина повторить рассказ о встрече с эрэсом. На этот раз никто не ругал снаряд. Наоборот, все хвалили.

ТРЕУГОЛЬНОЕ ПИСЬМО

Дивизион тяжёлых гвардейских миномётов до нового приказа остановился в дубовом лесочке. Дубрава была молодая, деревья негустые, скопление машин могли заметить вражеские бомбардировщики. Поэтому миномётчики сразу принялись копать укрытия для автомобилей и маскировать их ветками. Кончили работу поздно вечером. Было ещё видно, и солдат Борис Михайлов взялся за письмо. Он старался писать почаще, знал: мама тревожится о нём каждый день и каждый час.

«Милая мамочка! — писал Борис. — Я жив-здоров. Кормят сытно. Погода тёплая. Стоим в лесу. Обо мне не беспокойся. Мы сейчас отдыхаем. Крепко обнимаю и крепко-крепко целую. Твой Боря».

Конверта у Бориса не было. В войну многого не хватало. Хлеба, например, соли. И такой простой вещи, как конверты. Без нихто научились обходиться... Борис согнул бумажный лист по верхнему углу — получился косой парус, парус согнул — получился домик с крышей; нижние углы домика тоже согнул и заправил под крышу — получился треугольник, письмо и конверт вместе... Идти к писарю, который отправлял почту, было поздно. Борис положил письмо в карман гимнастёрки — до утра, лёг на шинели под кустиком, укутался с головой, чтобы не кусали комары, и сон сразу пришёл к нему.

Был сон короткий. Едва забрезжил рассвет, дивизион подняли по тревоге.

Колонна машин с пусковыми станками и эрэсами — реактивными снарядами, покинув дубраву, двигалась чистым полем. Позади колонны всходило солнце. Большое, красное. Пыль закрыла его. Но солнце поднялось выше пыльного облака, будто хотело посмотреть, куда едут гвардейские миномётчики.

Впереди была линия фронта. Оттуда, из-за этой линии, прилетел снаряд. Борис в кабине грузовика не слышал его свиста, поэтому не испугался, а удивился, когда в поле взметнулась

чёрная земля. Автомобили прибавили скорость. То в поле, то на дороге взрывались снаряды. На счастье, дорога спустилась в овраг. Вражеские наблюдатели теперь не видели автомобилей, и обстрел прекратился.

Овраг был широкий, глубокий, с крутыми склонами. По нему, как по безопасному туннелю, шли к передовой солдаты, ехали автомобили — с пушками, со снарядами, с кухнями и хлебом. В обратную сторону тягач тащил танк со сбитой башней. Лошадь, запряжённая в двуколку, везла раненых; они лежали неподвижно, их головы были забинтованы.

«Вот если меня так ранят или убьют?.. — подумал Борис. — Когда мама узнает, что меня убили, будет долго плакать».

Низко над оврагом, с рёвом мотора и стуком пулемётов, пронёсся «мессершмитт» — вражеский истребитель. По нему дали очередь наши пулемёты, замаскированные на откосе. Тут же появился истребитель с красными звёздами. Погнался за врагом.

Так и ехали миномётчики. Без происшествий. Артиллерийский обстрел, обстрел с самолёта — обычное дело на войне.

Остановились в низине, поросшей кустами.

От низины начинался подъём на широкий бугор. Скат бугра был жёлтым пшеничным полем. С вершины слышалась частая стрельба, гулкие взрывы. Там шёл бой.

Миномётчики дружно сняли с грузовиков пусковые станки. Поставили на земле. Сгрузили эрэсы. Потащили их, тяжеленные, к станкам. Когда уехал последний грузовик, гвардейские миномёты были готовы к залпу.

Бой на бугре то затихал, судя по стрельбе, то снова разгорался. А что там было и как? Солнце видело, что и как. Оно поднялось совсем высоко.

Было жарко. Ни дуновения ветерка. Но вдруг пшеница на дальнем краю поля заколыхалась. Будто там пронёсся ветер. Он дул, качал пшеницу сильнее и сильнее. Вглядевшись, Борис увидел нестройные линии пехотинцев. Это они, а не ветер, качали пшеницу, спускаясь с бугра всё ниже и ниже. «Отступают!» — догадался Борис и испугался своей догадки.

Но в это время заревели огненные струи, вырываясь из эрэсов. Дивизион гвардейских миномётов ударил по врагу. Чертя дымные дуги, ракетные снаряды полетели за бугор. За бугром ухнуло — первый эрэс, самый быстрый, самый нетерпеливый, грохнулся на

фашистов. Следом ухнул ещё один. И замолотило, заколотило по земле.

Пехотинцы остановились, удивлённые. Кто-то крикнул. Кто-то подбросил вверх пилотку. И все побежали на бугор, к его вершине, только что оставленной.

— Гвардейцы, за мной! — услышал Борис голос командира батареи. — Поможем ещё пехоте! В атаку!

Не видя, кто рядом, но чувствуя товарищей, солдат Михайлов побежал, огибая кусты, перепрыгивая кочки. Он влетел в пшеницу, запутался в ней сапогами. Но скоро приноровился, раздвигая её, как купальщик воду. В эти минуты он забыл обо всём. Знал только, что надо бежать и бежать вперёд. И не было у него страха ни перед чем.

Когда Борис добежал до верхушки бугра, там пехотинцев уже не было. Они спускались по другому скату, преследуя врагов. Только один — молоденький, как Борис, — сидел на краю траншеи.

— Гвардейцы с нами... Гвардейцы с нами... — повторял он тихо.

Борис подумал, что солдата оставили передать им благодарность за помощь. Но вдруг понял, что солдат ранен, а слова «гвардейцы с нами» он кричал или шептал, когда пехота остановилась в пшенице и увидела над собой следы грозных эрэсов.

— Куда ранило? — спросил Борис. — Больно?

— В плечо. Больно! — ответил пехотинец.

Борис Михайлов никогда ещё не перевязывал раненых и удивился ловкости, с которой разрезал гимнастёрку и обнажил повреждённое плечо. Он быстро разорвал индивидуальный пакет и прибинтовал марлевую подушечку к плечу солдата. Тут появилась девушка с санитарной сумкой. Она поправила повязку и повела солдата туда, где собирались раненые.

— Пойдём, миленький! Пойдём, хороший ты мой! — говорила она раненому.

...Дивизион двигался к новой стоянке, в рощу. Солнце клонилось к закату. Оно опять из-за пыльного облака смотрело на гвардейскую колонну. Не жаркое, не яркое, будто хвалило всех, кто одержал победу в бою за бугор, а по-военному — в бою за высоту.

На этот раз пушки врага не обстреливали дорогу. Кругом было спокойно. Фашисты, бежав с высоты, бежали и с соседних участков фронта.

Как приехали на место, Борис пошёл в штабную землянку к писарю отдать письмо. Перед землянкой он остановился, развернул треугольничек, перечитал его:

«Милая мамочка! Я жив-здоров. Кормят сытно. Погода тёплая. Стоим в лесу. Обо мне не беспокойся. Мы сейчас отдыхаем. Крепко обнимаю и крепко-крепко целую. Твой Боря».

Борис всегда, с малых лет, говорил маме только правду. И, перечитав письмо, подумал, что надо переписать его. Но, если рассказать всё, что было за день, мама сильно встревожится, не успокоится до следующего письма. И он отдал треугольничек писарю — без поправок. Да и неправды в письме ведь не было. Они, гвардейцы, на самом деле отдыхали сейчас в лесу, и вечер был тёплый. А он, Борис, действительно жив и здоров.

СЕРЬГИ ДЛЯ ОСЛИКА

Морские пехотинцы держали оборону в горах. Одно отделение устроилось очень складно: заняло место среди отвесных скал. Снизу фашистам взобраться на эти скалы было почти невозможно. Правда, часто прилетал к скалам бомбардировщик, бросал бомбы. Но бойцы прятались в пещеру. И бомбы не причиняли вреда, только дробили камень. Облако каменной пыли часами стояло над позицией отделения. Дышать каменной пылью было трудно, она скрипела на зубах, засоряла глаза. Но это — не самое тяжёлое на войне. Такое можно стерпеть и нужно было стерпеть. Ведь отделение под огнём своего оружия держало дорогу, по которой передвигались фашисты. И многих врагов настигала там гибель.

Хороша была позиция. Одно было там плохо — ни ручейка, ни родничка. А знойным летом, когда солнце раскаляет скалы так, что камень жжётся, пить ох как хочется. Воду бойцы ценили на вес золота. Да что золото! Если человек не жаден, не тщеславен, он прекрасно живёт без золота. А вот без воды прожить нельзя. Вода в скалах отмерялась строгой мерой. И только для питья. На умывание — ни капли.

Однако, по прошествии некоторого времени, наладилось и с водой. Как-то матрос Шалва Давижба, ходивший за продуктами в хозяйственную роту, увидел неподалёку от её расположения ослика. Ослик стоял в тени густого дерева, побрыкивал ногами, помахивал хвостом, встряхивал ушами — отгонял мух. Оказалось, что иного дела у него нет. Он ничей. Остался из-за войны без хозяина. Давижба привёл ослика к кухне и накормил так вкусно, так сытно, как ослику и не снилось. Потом навьючил на него два термоса с ключевой водой, себе на спину взвалил мешок с продуктами. И оба пошагали узкой тропинкой вверх, в скалы.

Всё отделение во главе с командиром обрадовалось появлению помощника. А Шалва Давижба сказал, что это ещё цветочки. Ягодки будут впереди. Надо только не поскупиться и накормить ослика в отделении не хуже, чем откусал он в хозяйственной роте.

Загадочный совет Шалвы никто не понял, но моряки были щедрыми. И ослик, улёгшись в тени большого камня, всем видом показал, что ему тут нравится.

К вечеру, когда жара начала спадать, Шалва Давижба навьючил на ослика пустые термосы и повёл его вниз по тропинке — в хозяйственную роту. Там, хотя ноша на этот раз была пустяковой, ослик снова получил вкусную еду.

Всю ночь ослик пасся у ручья. А утром моряк опять навьючил на него воду, снова повёл в скалы... Это только так говорят, что ослы глупые. Во всяком случае, тот ослик довольно скоро сообразил: за каждый рейс он получит немалое вознаграждение. И стал один, без провожатого, как самый исполнительный работник, носить воду в скалы и возвращаться с пустыми термосами в хозяйственную роту.

Моряки полюбили ослика. Назвали его Яша.

На войне всё переменчиво. Сегодня хорошо, а завтра вдруг и случится что-нибудь плохое. В один из дней пришёл Яша в скалы с окровавленной головой. Моряки быстро сняли с него поклажу. Прибежал санинструктор с медицинской сумкой. Оказалось, опасной раны нет. Прострелены навывлет винтовочной пулей оба уха. Из этих ранок и текла кровь. Санинструктор забинтовал Яшины уши бинтами. Печальный лежал ослик у своего камня. Он ослаб от потери крови, и уши болели.

К вечеру, когда подошло время спускаться в хозяйственную роту, Давижба принёс ослику еды — чтобы Яша остался на месте.

Ослик поел немного, а потом подошёл к термосам и встал, ожидая, когда его навьючат.

— Ну, Яшка! — удивились и растрогались морские пехотинцы. — Ты и раненный не покидаешь поле боя!

— Что делать? — спросил Шалва Давижба у командира отделения. — Привязать его? Или пусть идёт?

— Пусть идёт, — сказал командир. — Но раньше пусть пойдёт на тропу Иван Рубахин. Это ведь немецкий снайпер стрелял в Яшу. Меткий стрелок, однако. Яшу-то из-за камней на тропе не видно. Но в каком-то месте высунулись его уши. На минуту высунулись, а тот всё же успел их продырявить. Теперь фашист не успокоится, пока не застрелит осла.

Иван Рубахин был сибирский охотник. Он стрелял просто замечательно и умел подкрадываться к зверю так осторожно,

что зверь ни о чём не догадывался. Наш снайпер обследовал тропу и защитную стенку, сложенную из камней вдоль тропы, и нашёл место, где высунулись Яшины уши. После этого в бинокль осмотрел горы и определил, откуда мог стрелять, где прятался вражеский снайпер. Три места показались подозрительными. Иван Рубахин приготовился к поединку. Солнце светило нашему моряку в затылок, врагу — в лицо. Как только враг приложится к своей винтовке, стёклышко её оптического прицела блеснёт под солнечным лучом. Этим враг и выдаст себя.

Иван Рубахин слушал, как стучат по камням копытца Яши. Вот они простучали за его спиной. Через секунду-две ослик окажется у опасного места. Часть его головы будет видна немцу. Секунда прошла. Вдали, в низком кустике, блеснуло на солнце стекло. Рубахин нажал на спусковой крючок...

Выстрел не испугал ослика. Но он остановился как бы в недоумении. Насторожил уши в белых бинтах.

Иван Рубахин поднялся во весь рост, подошёл к ослику, потрепал по шее:

— Ну, друг, иди спокойно. Он больше стрелять не будет...

Яшины уши зажили, освободились от бинтов. Но остались в них дырочки. Однажды кто-то украсил Яшины уши ромашками, вставил в дырки по цветку.

Морские пехотинцы шутили:

— Яша у нас — модник. Уши нарочно подставил под выстрел, чтоб дырки были, куда серьги вешать.

— А что, морячки, не раздобыть ли для Яши украшения подороже?

— Неужели морская пехота не отблагодарит Яшу как надо?

— Морская пехота должником не была и не будет. Жди, Яша, подарок.

После таких разговоров прошло немного времени, и моряки выполнили обещание.

У фашистов были специальные войска — горные егеря. Они поднимались на скалы, спускались в пропасти, ходили по ледникам, как настоящие альпинисты. И вот два горных егеря, два фашиста-альпиниста, начали подниматься по совершенно отвесной скале, чтобы забросать наших бойцов гранатами. Враги не знали, что моряки уже обнаружили их, следят за ними. Они всё карабкались вверх. Когда оба егеря висели на верёвке высоко над пропастью,

Иван Рубахин показался из-за камней со снайперской винтовкой и приказал по-немецки:

— Оружие бросить в пропасть. Самим продолжить подъём.
Егери исполнили приказ беспрекословно.

Оба пленника имели железные кресты — фашистские ордена. Пленных отвели в штаб полка. А из железных крестов моряки сделали серьги для ослика.

Яша носил трофейные украшения до нашей победы в горах. Были и другие ослики в других подразделениях. А самой большой известностью пользовался Яша.

Всю зиму лётчики летали над белой землёй. Но вот наступила весна, вылезли из почек листья, потянулись к солнцу травы, и вся земля стала зелёной. Было непривычно и радостно смотреть сверху на такую красоту.

Весеннее небо заполнилось стаями птиц. Лебеди, журавли, гуси шли в треугольном строю. А маленькие птицы летели в беспорядке, поближе друг к другу, часто взмахивая крылышками.

Все торопились с юга на север, к родным рощам, болотцам, луговинкам.

Дороги птичьих стай пересекались в небе с дорогами самолётов. В одно утро капитан Блинов чуть не врезался на своём штурмовике в стаю скворцов. Каким-то чудом он успел взмыть над пичугами и не причинил им вреда, уберёг от удара крыльями и пропеллером.

Блинов издали бы заметил птиц, если бы не был сильно расстроен. Десятью минутами раньше увидел он с самолёта женщин в поле. Четыре женщины тащили на себе плуг, впряглись в него вместо лошадей. А подросток-мальчик держал плуг за ручки. За пахарями тянулась тонкая, как нитка, борозда...

Жалея женщин на горькой пашне, капитан жалел и птиц. «Как же напугались скворцы-бедняги! — размышлял он. — Как им трудно! И холод, и ветер, и дожди случались в дороге. А тут ещё война. Не одну сотню километров пролетели птицы над фронтом, слышали взрывы, видели вспышки огня. Надеются скворцы долететь до своих скворечников, отдохнуть. А целы ли скворечники? Скорей всего, сгорели вместе с домами и деревенскими вёслами».

Так вот, думая о горе людей и птиц, капитан Блинов пересек линию фронта. Он углубился в немецкий тыл, на малой высоте подлетел, как подкрался, к шоссейной дороге, по которой шло подкрепление фашистам, и ударил бомбами в танки и автомобили. Потом он развернулся и напал на врага снова — выпустил по нему все снаряды, которые были в пушках, и все пули, которые были в пулемётах.

Возвращаясь на аэродром, Блинов опять оглядел поле. Там к первой борозде прибавилась ещё одна. Женщины начинали третью. Впору было посадить самолёт рядом с ними, самому перекинуть через грудь лямку плуга и тащить его, взрывая борозду. А женщины пусть бы клали в землю картофелины или сеяли зерно — делали бы работу, которая по силам человеку.

Но капитану Блинову нельзя было опускаться на поле. Он сел, как полагается, на аэродроме. Техники быстро осмотрели самолёт, залили в баки бензин, подвесили бомбы, заменили пулемётные ленты. Штурмовик снова полетел в бой.

Как и утром, лётчик бомбил и обстреливал врага на шоссе. Только подкрался с другой стороны, откуда его не ждали. На шоссе опять началась паника, вспыхнули грузовики, танки. По самолёту ударили длинными очередями зенитные пулемёты.

Блинов благополучно вышел из зоны обстрела и полетел домой.

Так бывает, если чего-то захочешь очень сильно, желание сбывается — даже самое, казалось бы, несбыточное. А желание у капитана Блинова сейчас было одно: достать лошадь, чтобы запрячь её в плуг... До линии фронта, за которой располагался наш аэродром, оставалось километров пять, как вдруг капитан Блинов увидел кавалерийскую часть неприятеля. Она шла на рысях по широкому лугу, направляясь к недалёкому леску. Не всадников увидел раньше лётчик. Раньше увидел он лошадей, на которых те сидели. Лошади были рослые, сытые. Их спины блестели на солнце, будто покрытые лаком. Впереди скакали гнедые, за ними пегие, потом вороные, потом белые!..

Каждая рота имела лошадей особой масти.

У капитана не было ни снаряда, ни патрона — всё он истратил на шоссе. Лётчик прицелился в конец колонны всем самолётом и, опустившись чуть ли не до самой земли, взревев мотором, пронёсся над всадниками. Ураганым ветром вздыбило конские гривы, с немцев сшибло фуражки. В страхе солдаты бросились прочь с лошадей. А лошади понеслись по лугу.

Когда капитан Блинов сделал разворот и вернулся к месту своего необычного сражения, он увидел, что кавалеристы пытаются поймать лошадей.

— Быть вам, голубчики, теперь пехотой! — закричал капитан Блинов. — Хватит, покатались. Учитесь пешком ходить!

Немцы, конечно, не могли его услышать. Он сам-то не слышал

собственного голоса в рёве мотора. Он кричал от радости, оттого, что всё так здорово получается. Кавалеристы начали стрелять в штурмовик из винтовок. Но лётчик снова — в этот раз как можно тише — спикировал на табун лошадей, направляя его в сторону переднего края, туда, где были немецкие и наши траншеи.

Штурмовик ещё трижды падал с неба на лошадей. Потом Блинов увидел, как дикой неудержимой лавиной табун пронёсся над траншеями, над окопами и укрытиями. Лошадиная атака застала врасплох и немцев и наших. Она длилась короткие минуты, и никто — ни у врага, ни у нас — ничего сразу не понял. Зато капитан Блинов понял, что все лошади теперь наши и пехота, когда лошади успокоятся, без хлопот поймает их.

На аэродроме капитан Блинов доложил командиру о том, как воевал. Потом вынул из планшета листок бумаги и стал писать. Пока техники готовили самолёт к новому вылету, заправляли его бензином, снарядами, патронами, бомбами, он написал вот что:

Многоуважаемая пехота!

Сегодня около 12.00 я перегнал в наше расположение из-за линии фронта коней. Прошу подателям этой записки выдать 10 самых сильных. У них фашисты всё разграбили. Лошадей забрали. Пашут на себе.

С воздушным приветом

капитан Блинов.

Капитану нужно было лететь на штурмовку. Он попросил техника сходить в деревню, где жили те женщины, передать им записку и объяснить, как добраться к пехотинцам. Техник обещал всё сделать.

Прошло несколько дней, и капитан увидел на своём поле пять упряжек лошадей. Лошади широко шагали по чёрной земле, тащили плуги и бороны. В поле было много народу. Ребятишки были там. Все бросили работу, замахали руками, когда штурмовик начал кругами ходить над пашней. Блинову хотелось опуститься пониже, чтобы получше разглядеть, как люди пашут. Но он подумал, что лошади узнают страшный штурмовик, вспомнят, как он гнал их по лугу, опять испугаются, опять побегут. Блинов поднял самолёт выше, покачал крыльями в знак приветия и полетел бомбить фашистов.

ПЕХОТИНЦЫ И ТАНКИСТ

Пехотинцы Петухов, Исмагилов и Тимофеев оказались за линией фронта, на земле, занятой врагом. Случилось это так. После тяжёлого боя их часть отступила за реку. Они же приказа об отходе не услышали — такой грохот стоял на поле боя. И ещё одно помешало: тяжело ранило Тимофеева. Осколки мины впились ему в голову и в ногу. Исмагилов и Петухов, перевязывая товарища, проглядели, как ушла рота.

Было это вечером. Немецкие автоматчики пробежали по полю и в сумерках не заметили их.

На ночь пехотинцы укрылись в ближнем лесу. Утром двинулись в путь.

Трое пехотинцев шли по тихой земле. Не было вокруг ни своих, ни чужих. В небе светило солнце, пели по кустам птицы, а кузнечики в траве пиликали с таким звоном, словно был у них праздник.

Шли-то не трое, а двое — Исмагилов и Петухов, а Тимофеев лежал на самодельных носилках. Рядом с ним по бокам лежали две винтовки. Третью, тимофеевскую, бросили: её приклад всё той же миной разбило в щепки и она не годилась для боя.

Солдаты шли на восток, к реке, и несли туда раненого. Там фронт, а по ту сторону фронта был госпиталь, была их рота. Ночью восточный край неба полыхал зарницами, как в грозу. Это вылетал огонь из далёких орудий. А сейчас, днём, с той стороны доносилось глухое погромыхивание.

— Слушай, — вдруг сказал Исмагилов Петухову, — что-то и позади нас гремит?

Они прислушались. Гул на дороге с каждой секундой становился всё громче.

Торопясь, стараясь не трясти носилки, они сошли с просёлка, укрылись в придорожном дубовом кусту.

Скоро они увидели и преследователя. Их нагоняла танкетка — машина, похожая на танк, только маленькая, с пулемётом.

Танкетка была своя, советская, но кто сидел в ней? А вдруг враги? Пехотинцы не знали, что им делать: скрываться по-прежнему или выйти на дорогу?

Не доезжая до куста, танкетка остановилась. Мотор перестал тарыхтеть, наверху открылся люк, и раздался, как из бочки, голос:

— Братки! Не стреляйте!..

— Мы свои, свои! — закричали в один голос Петухов и Исмагилов и кинулись на дорогу.

Они очень обрадовались.

Теперь, когда с ними танкетка, а на ней пулемёт, они уж ни за что не пропадут.

— Я следы увидел от сапог, — говорил танкист. — Ну, думаю, наша пехота топает. У фрицев-то подмётка вся в гвоздях, а у нас на каблуках дырочки. Я сразу понял, куда вы с дороги махнули. Следы пропали, и куст стоит... Залезай один на крышу, другой ко мне, к пулемёту, — поедем. К своим обязательно пробьёмся.

— У нас товарищ ещё... Раненый, — сказал Петухов.

Пехотинцам стало сразу тоскливо и одиноко. Ведь не бросят они Тимофеева, а везти его на тряской танкетке — значит погубить... Уж лучше бы проехал танкист стороной, и они не видели бы его!

— Так, — сказал танкист, — понятно. — Ему тоже не хотелось расставаться с солдатами. Они были для него сейчас как товарищи-танкисты, от которых он тоже отстал в бою. — Понятно, — ещё раз сказал танкист, — я гарантию даю: вместе бы мы к своим пробились. Ну да что делать!..

Танкист обнялся с Петуховым, обнялся с Исмагиловым, сходил к раненому, поправил шинель, которой тот был накрыт, покачал головой. Потом молча залез в танкетку. Затарахтел мотор, громыхнули гусеницы. Танкетка исчезла в облаке пыли и дыма.

Когда улетучился запах бензина и осела пыль, Исмагилов и Петухов подняли носилки, снова зашагали по дороге. Теперь их путь пролегал по сухому песчаному взгорку. Серый песок расступался под сапогами, шаг получался короткий, тяжёлый. Солнце жгло огнём. Очень плохо было раненому. К носилкам над его головой Исмагилов пристроил навес из своей гимнастёрки. Солнце перестало бить в глаза Тимофееву, и он уже не стонал так громко, как раньше.

Опасным местом шли солдаты. Они были видны со всех сторон.

А если бы их заметил фашистский истребитель, от его пулемёта негде было бы укрыться. К счастью, вражеские самолёты проходили стороной.

Время было уже за полдень, когда на дороге снова послышалось гудение. Петухов и Исмагилов, словно сговорившись, разом опустили носилки на дорогу. В гудении чудилось что-то знакомое. Это возвращалась танкетка. Солдаты не верили своим глазам: к танкетке за оглобли была привязана повозка. Танкист, как оказалось, нашёл её в ручье, где она застряла, и тут же принял решение вернуться к пехотинцам.

Петухов, знавший пулемёт, залез в танкетку. Исмагилов устроился в повозке возле раненого. Танкетка выпустила синий дым, забренчала гусеницами и, как добрый конь, потянула повозку.

Ехали медленно, чтобы не растрясти Тимофеева.

День подходил к концу, когда справа от дороги грохнул снаряд. Ещё один снаряд перелетел дорогу и взорвался на левой стороне. Фашисты заметили танкетку.

Танкетка метнулась с дороги в ложбину. Повозку затрясло, раненый застонал, и Исмагилов обхватил носилки, чтобы как-то смягчить толчки.

Теперь фашисты не видели танкетку в ложбине и не стреляли. Нетрудно было догадаться, что они начнут погоню. Без разговоров наши солдаты принялись делать то, что сделали бы и другие опытные бойцы в их положении. Исмагилов и Петухов взяли носилки с повозки и заспешили с ними по густой, сочной траве к реке. Заросли ольхи, сырая чёрная земля, сама ложбина — всё показывало, что близко вода. Танкист же покатил в ольховник. Танкетка прошла в чащу и остановилась там. Танкист отвязал повозку, принялся забрасывать её ветками. Потом он вышел из зарослей и с дороги посмотрел на свою работу: повозка казалась замаскированным танком.

После этого танкетка углубилась в чащу и остановилась в стороне от повозки. Танкист выключил мотор, занялся пулемётом. Пулемёт был в порядке. Ствол сквозь листву глядел в ложбину.

Несколько веток могли помешать стрельбе. Танкист аккуратно сломал их и отнёс в кусты — ничто не должно было выдать врагу боевую позицию.

Танкисту на глаза попалась черёмуха. Он сорвал несколько ягод — незрелых, ещё зелёных, только с одного бочка потемневших — и положил в рот. На языке была одна горечь, а ягоды казались

самыми сладкими на свете. Черёмуху он ел, может быть, в последний раз...

Река недалеко. За рекой свои. К ним можно пробраться, если сейчас же, не теряя дорогих минут, тронуться в путь. Но танкист подумал об этом, как о чём-то не касавшемся его самого.

Ему-то нужно было сделать так, чтобы пехотинцы, подобранные им на дороге, успели подальше унести раненого. И ещё он должен был истребить врага, который скоро сам придёт под огонь пулемёта.

Исмагилов с Петуховым в это время дошли до реки. Оба берега были тихими. Солдаты принялись рвать камыш и вязать из него плот, на котором можно было бы переправить носилки. Переправляться решили, как стемнеет.

Они рвали камыш и прислушивались. Никто не стрелял в этот час. Но Петухов с Исмагиловым знали, что выстрелы скоро загремят.

Исмагилов не выдержал напряжённого ожидания, спросил товарища:

— Что же не стреляют?

И как только он спросил, там, откуда ушли они, гроыхнул пушечный выстрел. Почти без промежутка ухнул взрыв снаряда. А после этих двух грозных ударов до реки донеслась долгая пулемётная дробь. Потом вернулась прежняя тишина. И как-то сразу пришла ночь.

Солдаты разделись, сложили пожитки в ногах у Тимофеева, поплыли в тёплой, как парное молоко, воде. Скоро плот с носилками пристал к своему берегу. К такому берегу, где была рота Исмагилова и Петухова, где был госпиталь с врачами, медицинскими сёстрами, санитарями, с хорошими лекарствами, с белыми бинтами и мягкой ватой.

Петухов медлил браться за носилки, о чём-то думал. И вдруг он радостно зашептал Исмагилову:

— А ведь жив танкист наш! Почему взрыв снаряда был сразу за пушечным выстрелом? Это немцы подвезли пушку и с близкого расстояния ударили по повозке, приняли её за танкетку. А танкист сбоку ударил по артиллеристам из пулемёта. Очередь-то была длинная, он целую ленту выпустил... Точно тебе говорю, жив танкист! Ведь после пулемёта всё стихло — ни автоматного выстрела, ни взрыва гранаты. Некому было стрелять в танкиста.

Всю войну Петухов, Исмагилов и Тимофеев — он поправился после раны — при первой возможности ходили к танкистам, всё надеялись увидеть среди них своего товарища. Но не увидели. Война-то шла на огромном пространстве.

ТИМОФЕЙ БЕСПРАЗДНИЧНЫЙ

Солдат Тимофей Потапов был артиллеристом. Если говорить точнее, подносчиком снарядов. Снаряды лежат поодаль от пушки, в ровике. Когда начинается стрельба, подносчик берёт снаряд, несёт его к пушке, там передаёт другому солдату — заряжающему и сам бежит за новым снарядом.

Батарея, в которой служил Тимофей Потапов, стояла на окраине Ленинграда. Фашисты со всех сторон окружили город. Каждый день стреляли по нему. А наши артиллеристы не давали фашистам стрелять. Только фашисты открывали огонь по городу, наши начинали бить по фашистским пушкам. Немецкие артиллеристы убежали в укрытия, и пушки их замолкали. Это написать просто: «Пушки замолкали». Чтобы разогнать фашистов по окопам, нужно было немало отваги и тяжёлой воинской работы.

Вечером 6 ноября, накануне праздника Октябрьской революции, на фронте установилась тишина. Враг не стрелял. Не стреляли и мы. Тимофей Потапов и его товарищи поспешили в свой блиндаж отдохнуть. У пушек остались только часовые.

Командир батареи, проверив часовых, спустился в блиндаж к артиллеристам и приказал всем спать.

— Завтра праздник, — сказал он, — самый большой наш праздник. Фашисты, конечно, постараются испортить этот день ленинградцам. Они и не стреляют сейчас потому, что заняты подвозом снарядов, да и пушек ещё подвезут. Но мы должны сделать так, чтобы враг не стрелял по городу. Каждому придётся работать за двоих. Поэтому все ложитесь спать. Копите силы к завтрашнему дню.

Солдаты легли на земляных нарах. Укрылись шинелями. Погасили коптилку. Но не спалось им. Вспомнилось, каким хорошим был этот праздник в мирное время. Один солдат, оказалось, умел играть на флейте. Он рассказал, как играл с оркестром праздничные марши. Другой был до войны электромонтёром, он устраивал в торжественные дни иллюминацию; это очень сложно — украсить город огнями...

Все солдаты по очереди рассказывали о демонстрациях, о праздничных обедах, гуляньях. Только молчал Тимофей Потапов.

— У тебя праздников, что ли, не было? — спросили его товарищи. — Или ты уснул уже?

— Нет, не уснул, — сказал Тимофей Потапов, — праздников у меня не было. Беспраздничный я.

— Тимофей беспраздничный! — засмеялись солдаты. — Как же может быть такое?

— Может, — ответил Тимофей Потапов. — Я ведь пекарь. Когда вы на демонстрацию ходили, я для вас пёк булки. Вы думаете, на ваш стол в праздник булки с неба падали? Вот этими руками я и тесто месил, и противни в печь ставил.

В темноте не было видно рук пекаря. Но все и так знали, что руки у него сильные, а сам он большой и добрый.

— Испеки нам к празднику по бараночке на брата, — сказал кто-то, — есть ужасно хочется...

— Правду сказать, я свою пекарню каждый раз во сне вижу, — проговорил Тимофей Потапов. — И всё хочу я взять буханку хлеба, и беру её, и отламываю, а как донесу кусок до рта, начинается какой-нибудь другой сон, без продовольствия... Давайте-ка лучше спать. День завтра праздничный. Нам с утра на работу.

Так солдаты и уснули.

Чуть забрезжил рассвет, как артиллеристы были у пушек. Из-за домов появился аэростат. Он был похож на сонного кита, большой, зеленоватый. Аэростат немного покачался над крышами, потом, будто стряхнул с себя сон, быстро пошёл вверх. На нём поднимался наблюдатель — смотреть, откуда будут стрелять фашисты.

Уже совсем было светло. Но фашисты не стреляли.

— Ждут, — сказал комбат артиллеристам. — Ждут, когда ленинградцы из домов на улицы выйдут. — Ну и мы подождём...

— Началось! — вдруг крикнул комбат, прижимаясь в своём окопчике к телефону.

И без предупреждения все поняли: началось. На немецкой стороне загрохали орудийные выстрелы. В вышине, над головами наших артиллеристов, понеслись к городу снаряды.

Тимофей Потапов стоял в ровике. Он ждал, когда старший артиллерийский командир по телефону сообщит комбату местонахождение вражеской батареи. Тогда даст приказ комбат. И начнётся

работа — только поспевай. Надо будет так молотить фашистов, чтобы они не выдержали и полезли в укрытия.

Тимофей Потапов бегал от ровика к пушке, от пушки к ровику. Носил снаряды, отдавал их заряжающему. После выстрела пушка тяжело подпрыгивала на месте, и из неё со звоном вылетала пустая гильза. Работа у артиллеристов шла споро. Они не успели устать ещё, когда комбат приказал прекратить огонь.

— По городу фашисты уже не стреляют, — сказал комбат, и в голосе его была радость. Он стоял в окопчике, прижимая к уху телефонную трубку. — Но теперь держись, ребята! Сейчас фашисты придут в себя, вылезут из укрытий и ударят в нас. Что думает фашистский командир? Он думает вот что: сначала уничтожу русскую батарею. Чтобы не мешала стрелять по городу. Вот что он думает.

Немецкие снаряды упали на батарею не так густо, как ожидалось. Значит, наши артиллеристы разбили несколько вражеских орудий. От такой удачи все работали у пушек очень хорошо, без страха. А опасность была кругом. То тут, то там грохотали взрывы, взлетала земляная пыль, осколки свистели и со звоном ударялись в станины пушек. К Тимофею Потапову эти страшные звуки доносились словно издалека, он почти не слышал их, потому что все его чувства были сосредоточены на исполнении команд комбата.

Всё шло хорошо. Но вдруг заряжающий не взял снаряд. Он посмотрел на Тимофея Потапова так, словно просил прощения, потом зажал руками живот и медленно повалился на бок.

— Санитара к третьему орудью! — выкрикнул что было сил Тимофей Потапов и сам вложил снаряд в пушку.

Теперь Тимофей Потапов работал за двоих: за себя и заряжающего. От ровика к пушке, от пушки к ровику бегал он, но бегал быстрее, выкраивал секунды, нужные для заряжания пушки.

Непривычная команда: «Все к шестому орудью!» — остановила Тимофея Потапова. И он побежал к шестому орудью, хотя не представлял себе в эту минуту дела более важного, чем носить снаряды.

Шестое орудие лежало на боку. Вражеский снаряд угодил под самое колесо и, взорвавшись, свалил пушку. При этом оглушило командира орудия, наводчика и заряжающего. Все трое ничего не слышали — ни человеческих голосов, ни грохота войны. Тимофей

Потапов, трое контуженых, все остальные батарейцы и сам комбат навалились на пушку, страшным напряжением сил подняли её. Батарея в полном составе — все девять пушек — продолжала бой. Она стреляла по врагу так же часто, как стреляла в самом начале.

И фашистский командир не выдержал. Он решил, что его батарея посылает снаряды мимо цели. «Если бы снаряды попадали в цель, русские не могли бы так спокойно и расчётливо отвечать нам», — рассудил фашист. Он приказал изменить прицел.

Разрывы вражеских снарядов стали понемногу удаляться от наших пушек. Когда подняли они тучи щебёнки на ближнем пустыре, комбат приказал прекратить огонь.

— Пусть думают, что теперь попали в нас, что мы в блиндажи попрятались, — объяснил комбат артиллеристам свою команду и засмеялся.

За комбатом засмеялись батарейцы. Смеялся и Тимофей Потапов.

— Ребята! Отставить смех! — крикнул комбат нарочно строгим голосом. — Если мы будем только смеяться, фашисты подумают, что всех нас побили, и, чего доброго, опять ударят по городу. Нам теперь надо показать врагу, будто у нас большие потери. Мы сейчас ответим четырьмя пушками, а потом до самого вечера будем стрелять только из двух.

Наступила осенняя ночь. Стрельба стихла. Ленинградцы справили свой суровый и прекрасный праздник. Фашисты не смогли помешать им. Тысячи артиллеристов, таких, как Тимофей Потапов, приняли удар врага на себя и с честью закончили бой.

Тимофей Потапов после боя два часа отстоял ещё в карауле у пушек. Когда его сменили, он отправился в свой блиндаж. На земляных нарах было просторно: ранило солдата, который умел играть на флейте, ранило и того, который устраивал иллюминацию в праздники. Они были сейчас в госпитале.

Тимофею Потапову снова приснилась пекарня, в которой работал до войны. На этот раз привычный сон — будто он отламывает кусок хлеба, чтобы утолить голод, — не снился. Из-за усталости Тимофей Потапов и наяву-то не стал есть ужин. А снились ему огромные противни, на которых вместо хлебов лежали снаряды. Тимофей Потапов носил противни к печке и совал их в её раскалённое нутро. И было ему страшно, что снаряды на жару взорвутся. Но надо было всю печь наполнить снарядами, и Тимофей Потапов носил и носил их.

ОТПУСК НА ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Солдату чаще всего приходилось воевать вдали от дома. Дом у него в горах на Кавказе, а он воюет в степях на Украине. Дом в степи, а он воюет в тундре, у холодного моря. Место, где воевать, никто сам себе не выбирал. Однако бывало, что солдат защищал или отбивал у врага свой родной город, свою родную деревню. В родных краях оказался и Василий Плотников. После того как закончился бой и фашисты отступили, солдат попросил у командира разрешение — сходить в деревню Яблонцы. Там его дом. Там остались жена с маленькой дочкой и старенькая мама. До Яблонцев всего-то десятков километров.

— Хорошо, — сказал командир. — Даю вам, рядовой Плотников, отпуск на четыре часа. Возвращайтесь без опоздания. Сейчас одиннадцать, а в пятнадцать придут грузовики и повезут нас вдогонку за фашистами.

Товарищи Плотникова принесли свои продовольственные запасы — консервы, сухари, сахар. Всё сложили ему в вещевой мешок. Пусть угостит семью. Дары не велики, но ведь от всего сердца! Они немного завидовали Плотникову. Шутка ли — два года не видел родных, ничего не знал о семье, а теперь — скорое свидание. Правда, солдаты думали и о том, что жена Плотникова, и маленькая дочка, и старенькая мама могли погибнуть в фашистской неволе. Но печальные думы вслух не высказывали.

А Василий Плотников сам об этом думал. И поэтому радость его была тревожная. Он сказал товарищам только одно слово: «Спасибо!», надел на плечи лямки вещевого мешка, на шею повесил автомат и зашагал напрямик через поле, через лесок к Яблонцам.

Деревня Яблонцы была небольшая, но уж очень красивая. Она часто снилась солдату Плотникову. Под высокими старыми вётлами, как под зелёным шатром, в прохладной тени стояли крепкие дома — с резными крылечками, с чистыми скамеечками перед окнами. За домами были огороды. И всё росло в этих огородах: жёлтая репа, красная морковь, тыквы, похожие на кожаные мячи, подсолнухи, похожие на латунные, начищенные до блеска тазы, в

которых варят варенье. А за огородами стояли сады. Зрели в них яблоки — какие только пожелаешь! Сладко-кислые грушовки, сладкие, как мёд, терентьевки и самые лучшие на всём свете антоновские яблоки. Осенью, когда замачивали антоновку в бочонках, когда укладывали в ящики для зимнего хранения, перестилая слою ржаной соломой, всё в Яблонцах пахло яблоками. Ветер, пролетая над деревней, пропитывался этим запахом и разносил его далеко по округе. И люди — прохожие ли, проезжие, чей путь был в стороне от Яблонцев, — сворачивали с дороги, заходили, заезжали туда, наедались яблоками вдоволь, с собой захватывали. Щедрая была деревня, добрая. Как-то она теперь?

Василий Плотников торопился. Чем скорее дойдёт до деревни, тем больше времени будет на свидание с родными. Все тропки, все дорожки, все овражки и бугорки были известны ему с детства. И вот через час с небольшим увидел он с высокого места Яблонцы. Увидел. Остановился. Глядел.

Не было над Яблонцами зелёного шатра. Вместо него была растянута в небе чёрная изорванная паутина: листья на высоких ветлах сгорели, ветки тоже сгорели, а сучья обуглились, они-то и расчертили небо чёрной паутиной.

Сердце у солдата Василия Плотникова сжалось, заболело. Что было сил он побежал к деревне. Словно хотел чем-то помочь своим Яблонцам. А помочь ничем уже было нельзя. Стали Яблонцы пепелищем. Прокалённая земля была засыпана серой, как дорожная пыль, золой, усеяна головешками. Среди этого праха стояли закопчённые печи с высокими трубами. Непривычно и жутко было видеть кирпичные трубы такой высоты. Прежде-то их закрывали крыши, и никто их такими не видел. Печи казались живыми существами, какими-то огромными птицами, тянувшими длинные шеи в пустое небо. Птицы хотели взлететь в страшную минуту, но не успели и остались, окаменевшие, на месте.

Дом Василия Плотникова до пожара стоял в середине деревни. Солдат легко отыскал и узнал свою печку. Сквозь копоть просвечивала побелка. Он сам белил печку перед тем, как уйти на войну. Тогда же сделал много другой работы вокруг дома — чтобы жене, матери и дочке жилось полегче. «Где же они теперь? Что с ними стало?»

«Деревня погибла в огне, — рассуждал Василий Плотников. — Если бы её бомбили или обстреливали, непременно какие-то печи

развалились бы, трубы обрушились бы...» И появилась у него надежда, что жители Яблонцев спаслись, ушли до пожара куда-нибудь в леса.

Он ходил по пепелищу, отыскивал железные остатки дома — дверные ручки, крючки, большие гвозди. Находил всё это, покрытое бурой окалиной, брал в руки, разглядывал — как бы спрашивал о судьбе хозяев. Ответа не было.

Плотников представил себе, как нагрянула в Яблонцы команда фашистов, особая команда. Они выскочили из грузовиков с канистрами бензина. Обливали бензином стены. А потом шёл фашист-факельщик. И поджигал дома — один за другим. С начала и до конца поджёг всю деревню. И в это же время, а может, чуть раньше или чуть позже, вражеский танк проехал по садам, ломая яблони, вминая их в землю... Тысячи деревень уничтожили фашисты подобным образом при отступлении.

Солдат собрал грудкой кирпичи, сдул с них золу, сел. И так, сидя, не сняв вещевого мешок и автомат, думал горькую думу. Он не сразу почувствовал, что кто-то прикасается к голенищу сапога. Вернее, лёгкие толчки он чувствовал, но не обращал внимания, ведь вокруг ни живой души. А когда посмотрел на сапоги, увидел кошку — серую с белой грудкой, свою кошку Дунюшку.

— Дунюшка! Ты откуда тут, Дунюшка?

Он взял её под живот растопыренной пятернёй, посадил на колени и стал гладить.

Дунюшка прижалась поплотнее к хозяину, закрыла глаза, замурлыкала. Мурлыкала тихо, спокойно. Неторопливо повторяла на вдохе и выдохе однообразные звуки, словно горошинки перекачивала. И показалось Плотникову, что кошка знает, как трудно на войне людям, как тяжело у него на сердце. Знает она и о том, где жена солдата, дочка и мать. Они живы, укрылись в лесу от фашистов, а главная их печаль — не о сгоревшем доме, а о нём. Жив ли он, солдат Василий Плотников? Если жив, то и они проживут. Вот увидят, что нет фашистов, что Советская Армия прогнала их, и придут из леса в деревню. Выкопают на зиму землянку. Будут терпеливо ждать конца войны, возвращения солдат. Солдаты вернуться, построят всё новое. И сады посадят...

— Где же ты была, Дунюшка, когда Яблонцы горели? И как же сильно любишь ты свой дом, если не уходишь от него, сгоревшего?

Кошка слушала человеческий голос и всё вела свою песенку — не громче, не тише, не быстрее, не медленнее, словно уговаривала солдата не печалиться без меры.

...Время шло. Пора было возвращаться в часть. Солдат покрошил кошке в обломок глиняной миски хлебushка. Вещевой мешок с про-

дуктами положил в печку и закрыл заслонкой. Потом горелым гвоздем выцарапал на печке: «Я живой. Дома вас не застал. Пишите. Полевая почта 35769. В. Плотников».

Кошка доела хлеб. Подобрала еду до последней крошечки. Сидя у глиняного черепка, принялась умываться — лизала лапку розовым языком, лапкой тёрла мордочку. «Хорошая примета, — подумал солдат. — Это — к гостям. Кошка гостей замывает. А кто гости? Конечно, жена, дочка и мама — хозяйки сгоревшего дома». От такой мысли стало солдату полегче. И пришли другие мысли: как сядет он с товарищами в грузовик, как нагонят фашистов и начнут новый бой. Будет он стрелять из автомата, бросать гранаты, а если кончатся боеприпасы, убьёт фашиста простым кулаком...

— Ну, прощай, Дунюшка! Мне пора. Как бы без меня не уехали.

Кошка посмотрела в глаза хозяину. Встала. И когда он зашагал по пепелищу, побежала рядом. Бежала довольно долго. Остановилась за обгоревшими вёслами, на зелёном бугорке. Оттуда провожала

солдата взглядом. Солдат оборачивался, каждый раз видел на зелёном бугорке серый комочек с белым пятнышком.

...Войска, в которых был батальон Василия Плотникова, наступали очень хорошо, гнали и гнали фашистов. Письмо из дома он получил, когда от Яблонцев ушли на целые полтысячи километров.

Пришло третье, счастливое для нас лето. Фашистские войска отступали.

По дорогам с фронта в тыл брели вереницы пленных. А к фронту тягачи тащили пушки; застилая дорогу синим дымом, ехали танки; скакали кавалеристы с шашками и автоматами, шагали пехотинцы, увешанные оружием. Войска спешили, чтобы сменить товарищей, уставших в бою.

Привалы у них были короткие — только воды из колодца напиться, а пехоте ещё перемотать портянки, сбившиеся в пути.

На такой короткий привал в деревне Новосёлки остановился пехотный батальон. Солдат сразу облепили ребятишки: худые, шеи у всех тонкие, а глаза от голода и пережитых мучений большие-большие. Рады были ребятишки своим солдатам, ну и рассчитывали что-нибудь вкусненькое получить.

Пехоту об этом просить не надо, пехота сама догадливая. Развязали бойцы вещевые мешки, начали оделять кусочками сахара, ржаными сухарями. А солдат, у которого была полная грудь орден, снял орден Славы и приколот его на рубашку одному мальчишке.

— По глазам вижу: человек ты бедовый, — сказал солдат. — Поноси-ка награду немного. Мамке своей пойдй покажись... Ух, какой ты теперь красавец!

— Петьке орден повесили! — закричали ребятишки.

А мальчишка побежал в дом. Вернулся он скоро с матерью. Мать вела его за руку и через каждые два шага шлёпала по мягкому месту.

— Отдай сейчас же, у кого взял!.. — приговаривала она.

— За что вы его? — удивился солдат.

— Да ведь измучил озорством, — ответила женщина и вдруг заплакала. — Столько страху за него при немцах натерпелась.

Фашисты, когда заняли Новосёлки, выбросили из школы парты и устроили в классах комендатуру. В учительской поселился сам комендант герр Назе.

По-русски «назе» — «нос». И комендант приказал жителям звать его господином Носовым.

Немец был тощий, длинный, морщинистый, как палка из старого забора. Воевать он не годился. Но на своём месте фашистам служил хорошо. Его солдаты постепенно отобрали у людей коров, овец, свиней, зерно и всё отправили в Германию. Жить в Новосёлках стало голодно. Осталась на еду одна картошка.

Зимой к голоду прибавился холод. Господин Носов запретил крестьянам ходить в лес за дровами: вдруг они там будут встречаться с партизанами?

Назе партизан очень боялся. Партизаны подбирались к врагу тихо, незаметно. Словно гром среди ясного неба, грохотали их гранаты, будто внезапный дождь, хлестали пули. Не одну комендатуру уничтожили таким образом партизаны. Когда-то должна была дойти очередь и до Новосёлок...

Немец знал, что в Новосёлках живёт настоящий Носов, русский. Это был Петя, мальчишка, который сидел сейчас на коленях у солдата. Комендант, встретив мальчугана на улице, щипал его за нос холодными пальцами, подмигивал морщинистым веком и говорил:

— Здорово, Нософ!

Так он показывал своё расположение к однофамильцу. Назе не догадывался, какой сюрприз преподнесёт ему маленький Носов.

Да и сам Петя не знал, что вскоре случится.

Школа не работала. В нетопленных избах сидеть скучно. Целые дни новосёлковские ребята были на улице, катались с горы на санках.

Гора в деревне была хорошая. Начиналась она от кузницы и круто уходила к речке. Лететь с такого спуска на санках — одно удовольствие: ветер свистит в ушах, дымом клубится снег из-под полозьев...

Одно плохо — таскать санки на гору. Слабенькие были тогда ребята, голодали они. Как-то под вечер, взобравшись наверх, Петя Носов не захотел съезжать с горы. А другие ребята поехали, и остался он один. Принялся Петя тогда со скуки искать себе какое-нибудь дело. Нашёл, конечно. На глаза ему попала жнейка. Когда ещё не было войны, привезли её к кузнице на ремонт да так и не успели починить. Пришло в голову нашему Носову спустить эту жнейку под гору. Одному такое не осилить, Носов дождался

дружков. Всем миром они отодрали примёрзшие колёса и пустили жнейку вниз.

Понеслась жнейка. Завертелись её крылья. Затрещал механизм. Зимой воздух чистый, далеко слышно на морозе. Треск этот разнёсся по деревне долгой автоматной очередью. Кто-то из фашистов, бывших в то время на улице, испугался, крикнул:

— Партизаны! — и выстрелил в воздух.

Тут ему второй на другом конце деревни ответил. И началось! Пошла пальба. Так продолжалось, пока шофёр заводил автомобиль. Повскакали немцы в кузов грузовика, Назе в кабину прыгнул, и умчались из деревни в соседний городок, где немецкий гарнизон был большой.

Целую ночь и ещё полдня Новосёлки были свободными от врага.

Герр Назе вернулся со своими солдатами к вечеру. Люди в деревне ждали расправы. Ребятишек по домам заперли. Больше всех боялась Петина мать. Она думала, что фашисты убьют мальчика. И, жалея сына, обливаясь слезами от жалости и любви к нему, сама как следует выпорола.

А герр Назе вёл себя так, будто ничего и не случилось. Стыдно было ему за свою трусость и за трусость подчинённых.

Но он не был бы офицером германской армии, если бы оставил дело без последствий.

Однажды утром, когда стоял такой мороз, что идохнуть было больно, фашисты выгнали всех детей из домов и повели их к речке.

Назе приказал детям вкатить жнейку на гору.

— Германское командование не может терпеть беспорядка, — объяснил он жителям свой приказ.

Ребятишкам такое занятие вначале показалось весёлым. Бойко покатали они жнейку в гору. Кричали, смеялись над теми, кто падал. Но скоро устали, остановились. И на месте удержать машину не смогли. Жнейка скатилась на прежнее место. Хорошо, успели горемыки разбежаться в стороны, иначе раздавило бы кого-нибудь.

Герр Назе и другие фашисты скоро ушли в комендатуру. С ребятишками остался один солдат. Через час пришла ему смена. Так до самой темноты меняли немцы один другого. А ребята всё везли жнейку. И каждый раз она скатывалась к реке.

Матери издали смотрели на мучение детишек. Герр Назе провёл на снегу черту, за которую они не смели переступить: нарушение приказа каралось расстрелом.

На другое утро приказано было тащить жнейку женщинам. С помощью ломов и верёвок они с трудом вытянули машину к кузнице.

Всю зиму просидели ребята в домах. Весной осмелели, на улицу стали выходить, на солнышко. И всё ждали и ждали, когда Советская Армия прогонит врага.

Так закончила свой рассказ женщина.

А вдоль деревни, сторонясь отдохавших пехотинцев, брела вереница пленных. Поравнявшись с солдатом, мальчиком и женщиной, немцы ещё ниже опускали глаза.

Из-за того что дорогу заняли пленные, привал у пехотинцев получился больше, чем полагалось. И как только проехал на коне наш боец, замыкавший колонну немцев, солдаты мигом вскинули за плечи вещевые мешки, надели скатки, поправили на груди автоматы, подтянули ремни, построились повзводно и зашагали широким шагом. Петя с матерью и все ребяташки на прощание махали им руками.

ГВАРДИИ МЕДВЕЖОНОК

Однажды к лётчикам в истребительный полк приехали гости — колхозники с Севера. Они привезли подарки и стали одаривать своих защитников. Кому досталось полотенце с кружевом, кому бочонок брусники, кому глиняный расписной олень. А Петру Алексееву достался медвежонок. Зверь был ручной. Он сразу же забрался к лётчику на колени, обнюхал по очереди пряжку на ремне, ордена, погоны и потянулся к пилотке с красной звёздочкой.

Алексеев погладил медвежонка, ссадил на землю. Лётчик немного растерялся: медвежонку нужен уход, присмотр, а когда этим заниматься, если с утра до вечера приходится летать? Может быть, вернуть его деликатно колхозникам?

Медвежонок будто чувствовал, что решается его судьба. Вёл себя он примерно. Во время разговоров лётчиков с колхозниками никуда не лез, никому не мешал. Под конец уснул, прижавшись к унтам Алексеева: унты меховые, тёплые.

«Пусть уж остаётся», — подумал Алексеев.

Гости уехали. Тогда Алексеев решил познакомить Мишку с округой. Лётчик потянул за ремешок, привязанный к ошейнику, сказал: «Пошли, Миша!» — и медвежонок послушно потопал рядом с меховыми унтами. Сначала Мишка побывал в бараке, посмотрел, где живёт его новый друг. Потом вместе с лётчиком спустился в земляную щель, выкопанную на случай бомбёжки. Они там посидели минуты три, поглядывая на синее спокойное небо. К самолёту Мишка отнёсся равнодушно, будто уже сто раз видел его. Наверное, самолёт показался ему автомобилем особой марки. Автомобиль-то медвежонок знал хорошо, на нём он и к лётчикам ехал. Но вот когда заработал мотор истребителя и пропеллер погнал ураганный ветер, Мишка ужасно испугался. В одно мгновение он вскарабкался к лётчику на шею; лез по нему, как по сосне, запуская глубоко острые когти. Маленькие глазки медвежонка были полны страха, хвостик, похожий на лоскут, дрожал мелкой дрожью.

Уже далеко от самолёта, около куста бузины, Алексеев попытался спустить Мишку на траву. Не тут-то было! Медвежонок словно приклеился к лётчику. Пришлось отдирать по очереди все четыре лапы от гимнастёрки. Оказавшись на земле, Мишка неожиданно набрался храбрости и, привстав на задних лапах, оглянулся на самолёт. Самолёт стоял на месте. Не гнался за медвежонок. Мишка успокоился. И куст этот стал для Мишки границей, за которую он впоследствии никогда не заходил. Пространство за кустом принадлежало самолётам — там они гремели, ревели, оттуда прыгали в воздух, а земля перед кустом была Мишкина. Так, видимо, рассудил медвежонок.

Пока Алексеев и Мишка ходили по аэродрому, другие лётчики занялись устройством медвежьих дел. На вещевом складе достали ватное одеяло, постелили его в бараке недалеко от кровати Алексеева. Добыли большой солдатский котелок. Главное же, уговорили командира полка зачислить Мишку на пищевое довольствие. Хоть и маленький был Мишка, но медведь: еда ему требовалась хорошая.

— Как же его внести в продуктовую ведомость? — спросил писарь, когда лётчики пришли к нему с медвежонок. — Какое звание писать? Какую фамилию?

— Полк у нас гвардейский, — сказал самый находчивый лётчик, — и ваше звание, товарищ писарь, гвардии старшина, моё — гвардии капитан. А Мишкино будет — гвардии медвежонок. Так и писать надо. Что же касается фамилии, имени, тут совсем просто. Они у всех медведей одинаковые — Михаил Топтыгин.

Стал служить в истребительном полку гвардии медвежонок Михаил Топтыгин. Скоро он перезнакомился со всеми лётчиками, техниками, с охраной аэродрома. И как оказалось, был всем очень нужен, просто необходим. На войне человеку бывает тяжело. Гибнут товарищи, в голову приходят печальные мысли. А тут прибежит медвежонок, неуклюжий, круглоухий, с любопытным носом-рыльцем — и все веселеют.

Кто-то приучил Мишку встречать лётчиков после боя. Возвращения самолётов ждут все оставшиеся на земле. Когда подходит время истребителю возвращаться на аэродром, все глядят в небо и радуются, заметив чёрную точку.

Мишка встречал самолёты около своего куста. Он стоял на задних лапах, столбиком. Правую переднюю лапу держал возле

уха — отдавал честь. Лётчики, направляясь в штаб для доклада командиру, проходили как раз около Мишки и за такое усердие награждали его сладостями: кто сахаром, кто печеньем, кто кусочком шоколада. В дни, когда истребители часто вступали в бой, Мишка так наедался сладостями, что на котелок с пшённой кашей и не глядел.

Других лётчиков Мишка только встречал, Алексеева он ещё и провожал в полёт. Они вместе доходили до медвежьей границы. Алексеев чесал медвежонка за ушами и улетал, а Мишка оставался ждать. Словно человек, он смотрел в небо, вздыхал и, не зная, как скоротать время, кружился на одном месте, нюхал траву, копал в сухой земле корешки.

Видел и слышал Мишка лучше людей. Завидев, услышав истребитель, Мишка от нетерпения и волнения садился на землю и через каждую минуту хлопал себя передними лапами по коленкам. Его блестящий чёрный нос был направлен точно в приближающийся самолёт — Мишка будто вынюхивал истребитель на расстоянии. Не было предела медвежьей радости, когда Пётр Алексеев подходил к Мишке, давал гостинец и тормозил его и катал по траве...

Хорошо жилось медвежонку и лётчику!

Только на войне хорошо не бывает долго. Обязательно случится какая-нибудь неприятность, а то и беда. Как-то раз перед вылетом на задание Алексеев прощался с медвежонком. Он приласкал зверёныша и сказал:

— Не скучай без меня, если что...

И улетел.

Пётр Алексеев получил особое задание: высыпать на взлётную полосу немецкого аэродрома металлические шипы. С большой высоты шипы нельзя сбросить, они разлетятся далеко по сторонам. Надо сбрасывать, опустив самолёт почти до самой земли.

Не прячься от немецких наблюдателей, наш лётчик повёл самолёт прямо на вражеский аэродром. На подходе к зенитным батареям, охранявшим аэродром, Пётр Алексеев сбавил скорость, снизился и выпустил колёса. Зенитчики удивились, что советский истребитель — целый, неподбитый — идёт на посадку, и не стали стрелять.

Самолёт с красными звёздами тихо летел над вражеским аэродромом. Но вдруг мотор взревел, и самолёт устремился ввысь. Фашисты ударили вдогонку истребителю из пушек, пулемётов. Они

поняли, что наш лётчик обманул их, что он вовсе и не собирался садиться. Не могли фашисты понять только, зачем понадобился советскому истребителю такой странный, рискованный полёт.

Скоро, однако, они разгадали загадку. На бомбёжку вылетели наши бомбардировщики. Их было много, десятков пять. Немецкие истребители покатались по взлётной полосе, чтобы взлететь в небо и напасть на тяжёлые, полные бомб машины. Но их резиновые колёса наезжали на железные шипы и лопались. Истребители падали набок, ломали крылья, перекувыркивались, загорались. Наши бомбардировщики без помехи разбомбили вражеские поезда на железнодорожной станции и благополучно вернулись домой.

А возвращение Петра Алексеева не было благополучным. Зенитный снаряд немцев разорвался рядом с его самолётом. Осколками тяжело ранило лётчика. Алексеев сам сообщил об этом по радио. Он сказал, что самолёт исправен и он надеется довести его до места.

На аэродроме лишь медвежонок не знал о беде. Он с любопытством глядел, как на лётное поле бегут люди с носилками. А потом он увидел среди белых облаков истребитель. Мишка сел на землю и принялся хлопать себя по коленкам.

Истребитель неловко ткнулся в стороне от посадочного знака, запрыгал по полю, будто оно было изрыто канавами, и остановился. Медвежонок поднялся на задних лапах, приложил к уху переднюю лапу, стал ждать. Он ждал, когда к нему подойдёт его друг, угостит чем-нибудь.

Пётр Алексеев лежал на носилках. Он не видел Мишку, не видел друзей, которые несли его. Сознание оставило лётчика в ту самую минуту, когда истребитель замер посреди поля.

Носилки миновали медвежонок. Мишке было непривычно, что лётчик лежит, и он пошёл за носилками. На задних лапах идти было трудно. Но Мишка упорно ковылял за людьми. И около уха держал лапу. Ему полагался кусочек сахара. Он честно выполнял условие, по которому всегда получал угощение. Так он шёл и шёл, всё больше отставая от носилок, и в глазах его наливались слёзы обиды и отчаяния. Хорошо, кто-то из лётчиков догадался сказать Мишке ласковое слово, погладил его, пожалел...

Кончалось лето, когда Пётр Алексеев приехал из госпиталя в полк. Первым делом он доложил командиру полка о возвращении в строй, а вторым делом спросил о медвежонке.

— Жив и здоров твой питомец, — ответил командир. — Сначала грустил, потом успокоился. Теперь, может быть, и не узнает. Он сейчас на своём посту. Дежурит. Сахар зарабатывает.

Алексеев пошёл к медвежонку.

— Мишка! — позвал он издали.

Медвежонок оглянулся. Он глядел и вспоминал этого лётчика. Старался понять, почему приятно слышать его голос, видеть его лицо. Вспомнить и понять мешал Мишке самолёт. Самолёт в это время шёл на посадку, медвежонку, чтобы получить угощение, надлежало быть начеку.

— Мишка! Злодей ты, а не человек! — ещё раз позвал лётчик.

Мишка был на распутье. Один глаз, одно ухо, одна половина медвежонка стремились к самолёту, другой глаз, другое ухо и другая половина — к лётчику. Если бы это было возможно, Мишка разорвался бы пополам и всюду успел бы. Но разорваться по своей воле нельзя. Нужно было выбирать что-то одно. И медвежонок со всех

ног кинулся к Петру Алексеёву. Чёрным клубком он прокатился по высохшей траве и прямо затанцевал на задних лапах перед лётчиком.

— Ну молодец! Ну умник! — радовался Пётр Алексеёв и гладил медвежонка и трепал его жёсткий загривок. — А уж я решил, что

ты способен променять друга на кусок сахара. Нет, ты не такой. Ты настоящий гвардейский медведь. А сахар? Подумаешь... Я тебе такое припас...

Тут лётчик достал из кармана куртки банку. Как только была снята с неё крышка, медвежонок обхватил банку всеми четырьмя лапами и принялся за угощение. Мишка урчал от удовольствия. Ещё бы! Первый раз за свою медвежью жизнь он ел мёд.

Случай с поваром Никитой Головым произошёл в ту пору, когда фашисты отступали по всему фронту. Уж отгремела знаменитая Сталинградская битва. И знаменитая Курская битва — тоже. Захватчики, хотя и сопротивлялись изо всех сил, катились и катились к своей Германии. Они были всё ещё опасны, но гонор и спесь сошли с них. В их мрачных душах поселился страх, а самым заветным стало желание благополучно унести ноги во-свояси.

В то время солдат Голов был поваром в дивизионе зенитных орудий. В поварá он попал случайно. Его попросили — до прибытия специалиста — варить солдатам еду. Голов согласился. Не сидеть же артиллеристам на хлебе и воде. Но поскольку у нового кулинара к назначенному часу, при любых обстоятельствах, всё было готово, командир дивизиона оставил его в поварах.

Однако поварская должность не изменила характер Голова. Он по-прежнему был боевым солдатом. Карабин, смазанный тонким слоем ружейного масла, всегда был готов к стрельбе. У него всегда хранился запас патронов, в том числе бронебойных и зажигательных. Имелся пяток гранат. Был и приличный запас тола. Впрочем, тол нужен был Голову не для подрыва чего-либо. В ненастные, дождливые дни, когда не найти сухой ветки, сухой щепки, повар разжигал толом печку.

Подожжённый спичкой, тол горит спокойно. Оплавляясь и растекаясь по дровам, он зажигает их.

Артиллеристы посмеивались над поварским арсеналом:

— Никита, ты не перепутай картошку с гранатами!

А один приклеил на дерево, под которым стояла кухня, такое объявление:

«С е г о д н я

Первое блюдо: суп картофельный с трассирующими пулями.
Второе блюдо: лапшевник из бикфордова шнура».

Голов к шуткам относился спокойно. Объявление ему даже понравилось. Он аккуратно отлепил листок, сложил и спрятал в карман гимнастёрки — «на память о фронтовых друзьях». Разливая в тот день суп по котелкам, благодушно балагурил с артиллеристами:

— Вам что ни свари, вы всё слопаете! Вас жареной фугаской не испугаешь. Но я-то знаю, чего вы боитесь. Вот оставлю как-нибудь без обеда, вы и кончите свои глупые шуточки.

Говоря эти слова, повар Никита Голов, конечно, не знал, что уже на следующий день осуществит свою угрозу.

Правда, вынудят его к этому обстоятельства более значительные, чем шутки товарищей.

Утром нового дня дивизиону было приказано переместиться километров на двадцать западнее — к мосту у пересечения железной дороги с дорогой шоссейной. Мост наши стрелки отбили у фашистов ночной атакой. Фашисты бежали, не успев взорвать его. Несомненно, враг постарается разбомбить мост, тогда прервётся движение и по шоссе и по железной дороге. На охрану такого важного объекта и посылали теперь дивизион.

Никита Голов, накормив солдат ранним завтраком, пожелал им счастливого пути, а сам с шофёром крытого грузовика остался на месте.

Он должен был сварить здесь обед и доставить его к двенадцати часам на новые позиции. Здесь были в избытке дрова, а главное, был в овражке колодец с чистой, родниковой водой.

Грузовик с кухней на прицепе выехал с обжитого места в начале двенадцатого. Ехать недалеко. Всё время по шоссе. Суп из перловых круп тряски не боится. Да и дорога нетряская, асфальт. В кухонной печке полно горячих углей, так что обед прибудет в готовности — только подставляй под черпак котелки.

Обо всём этом подумал в начале пути повар Голов. Потом он думал о том, что воевать теперь гораздо легче, чем в сорок первом году. Вот идёт справа от дороги на небольшой высоте шестёрка штурмовиков. А высоко кружит звено истребителей. Это всё наши самолёты, советские! Куда полетели штурмовики? Верно, увидели фашистов. Сверху лётчикам видно, что происходит на земле, где наши, а где фашисты. Не так давно фашисты — многие, многие тысячи — были окружены на большом пространстве среди полей, болот и лесов. Они пытаются вырваться из кольца. Бросаются то на запад,

то на юг, то на север. А наши нигде не пускают. Уничтожают, берут в плен.

Солнце, стоявшее в безоблачном небе, раскалило воздух. Никиту Голова жара разморила. Встал-то он ведь очень рано, начал готовить завтрак ещё до рассвета. Глазами, которые закрывались в сладкой дреме, он смотрел на шоссе. Шоссе, по которому обычно катили и танки, и пушки, и «катюши», и пехота в грузовиках, в эти минуты было пустынно. Оно круто спускалось в низину, чтобы потом также круто подняться на холм. Грузовик весело катил под гору. Голова представил, как захватит у него дух, когда машина, закончив спуск, вылетит на подъём, и улыбнулся — как всё же хорошо идут дела и у него, солдата-повара, и у всех солдат Советской Армии.

И только он это подумал, и только грузовик с кухней достигли нижней точки спуска, как из густых кустов ольховника, росших за обочиной, ударил очередь пулемёт. Вторая очередь простучала глуше — били вдогон.

Шофёр выжимал из мотора все силы. Грузовик словно летел в гору. Никита Голова высунулся из кабины и увидел фашистов. С автоматами, с ручными пулемётами, они шеренгами выходили из кустов и бегом пересекали шоссе. Какая-то вражеская часть то ли уходила от преследования, то ли рассчитывала в этом направлении найти выход из окружения.

Влетев на вершушку холма и чуть спустившись по новому спуску, грузовик и кухня, шофёр и повар оказались в безопасности. Взгорок закрыл их от фашистских пуль.

— Стой! — сказал Голова. — Надо посмотреть что и как. Ты проверь машину. Я посмотрю, что делается внизу.

Фашисты всё бежали и бежали через шоссе.

Их было много. А наших — двое.

Солдат Голова хорошо помнил главное военное правило: не делать такого, что понравилось бы врагу, а делать только то, что врагу не понравится. Главное военное правило в этом случае давало совершенно определённый совет: помешать фашистам переходить через шоссе.

Сердце Никиты Голова билось тревожно и азартно. Пронеслась мысль: стрелять по фашистам из карабина. Тут же пронеслась ещё мысль: после первых выстрелов автоматчики врага побегут кустами на подъём и придётся снова удирать, рискуя автомашиной, кухней, жизнью друга-шофёра и своей собственной жизнью.

Платить такую цену за два-три удачных выстрела не было смысла.

Никита Голов ещё раз посмотрел, как фашисты переходят дорогу, и пошёл к своему грузовику. От кухни по жаркому воздуху распространялся аромат свиной тушёнки, смешанный с угарным запахом залитых углей. Та, вторая пулемётная очередь, посланная вдогон, изрешетила кухню. Белёсый бульон с разваренными зёрнами перловой крупы струйками стекал с днища кухни на асфальт. «Через полчаса обед. Чем ребят кормить буду?» — подумал повар. И тут он совершенно спокойно, ничуть не сомневаясь в правильности решения, открыл железный шкафчик кухни, вставил в толовую шашку запал, зажёл спичкой бикфордов шнур и закрыл шкафчик на обе защёлки. Вдвоём с шофёром они отцепили кухню от грузовика. Напрягаясь, упираясь сапогами в мягкий асфальт, покатали её на пригорок. Затем, придавая кухне правильное направление, нацеливая её на врагов, разогнали и пустили вниз с крутой горы.

Надо было немедленно уезжать. Но повар хотел своими глазами видеть, как сработает его сухопутная торпеда.

— погоди минуту, — сказал он шофёру. — Погляжу из кустов...

— Ахтунг! Ахтунг! Внимание! Внимание! — закричал немецкий ефрейтор, первым увидевший опасность. — Цурюк! Назад!

— Вас ист лос? Вас ист дас? Что случилось? Что это такое? — спрашивали друг друга фашисты.

Кухня пронеслась перед их оторопелой толпой. Миновав нижнюю точку спуска, она медленно покатила вверх.

— Дас ист фельдкюхе! Это полевая кухня! — закричали наперебой автоматчики. Оправившись от испуга, они захохотали, закачались от смеха.

Фашисты, теперь уже не шеренгами, а в беспорядке, снова побежали через шоссе. А кухня остановилась на крутом подъёме, какое-то мгновение постояла там, словно раздумывая, и пошла вниз. Катилась она медленно, опустившееся дышло чертило асфальт, тормозило движение.

«Неужели остановится?» — подумал Никита Голов и пожалел, что бикфордов шнур оказался слишком длинный. Был бы покороче, кухня взорвалась бы в самый подходящий момент.

Она всё же доехала до самой нижней точки спуска. Остановилась на самом ходу. Фашисты обегали её, как островок. Но вот один, привлечённый запахом съестного, взобрался на кухню, открыл

крышку котла, зачерпнул котелком суп. И тут, не слушая окриков командира, фашисты полезли на кухню со всех сторон.

В этот момент рванул взрыв. Он был достаточно сильный. Голов не мог определить, сколько фашистов погибло. Запомнилось колесо кухни, чёрным бубликом летевшее над дорогой.

— Жми! — скомандовал он шофёру, вскочив в кабину грузовика.

Повар не знал, что после взрыва появились на шоссе наши самоходки. Они открыли огонь по фашистам и не дали остаткам колонны перейти шоссе. Самоходчики по радио сообщили о неожиданном бое своему командованию. Вскоре над полями и лесочками, по обе стороны шоссе, пошли наши самолёты-штурмовики на бомбёжку и обстрел врага. А роты наших автоматчиков вместе с партизанами перекрыли в том районе все выходы из лесов.

Свой дивизион Голов увидел ещё издали. В стороне от решётчатого железнодорожного моста, задрав в небо длинные стволы, стояли зенитные пушки. Они уже были обнесены земляными валами. И тут повар Никита Голов малость испугался. Он знал, какая это трудная работа — рыть укрытия для пушек. Чувствовал, как проголодались артиллеристы, как ждут кухню с супом и кашей. А супа нет. Каши нет. И самой кухни нет. Разумно ли он сделал, употребив кухню не по назначению?

В таком неважном настроении пошёл солдат Голов к командиру дивизиона — доложить о происшествии.

— Где кухня, Голов? — спрашивали по пути артиллеристы. — Ты что? Вправду нас без обеда оставил?

— Со мной шутки плохи, — мрачно отзывался Голов. — Я предупредал. А поварская должность с этой минуты свободна. Хватит с меня черпаком махать.

От командира дивизиона Никита Голов вышел весёлый. Всё он сделал правильно. И не просто правильно. А находчиво. И ещё командир сказал, чтобы он не думал бросать поварскую работу. Во всей армии теперь не найти другого повара, который умел бы сварить такой опасный суп. А кухню получит новую.

Обед выдавался артиллеристам в этот раз сухим пайком. Закончив раздачу хлеба и консервов, Никита Голов лёг в тени грузовика и, сморённый жарой и тревогами, заснул. Разбудил его штабной писарь. Писарь стоял у грузовика и пробовал пальцем дырки в фанерном кузове.

— Да, — сказал писарь, — если бы фашист чуть раньше нажал на

спусковой крючок, убил бы он вас обоих. А так очередь позади прошла... Дело вот в чём, — продолжал писарь, — приказано писать на тебя наградной лист. К награде тебя представляем. Я уже написал.

Но получается как-то несерьёзно. Кто прочтёт, будет смеяться. Я сам смеялся. Может быть, другие какие обстоятельства были, серьёзные?

— Других обстоятельств не было, — ответил Голов, закрывая глаза и засыпая. — А то, что смешно, я не виноват.

Рота моряков с военного корабля готовилась сойти на берег. Обычно моряки остаются на берегу недолго, скоро возвращаются на корабль. В этот же раз рота уходила с корабля навсегда. Была война, враг теснил нашу пехоту, моряки должны были помочь пехотинцам остановить фашистов на суше.

Баталёр, корабельный кладовщик, всем уходившим выдавал новое обмундирование. Каждому матросу он говорил:

— Не рви, не марай, береги добро...

Матрос Женя Молоканов не сдержался.

— Что ты за человек? — сказал он баталёру. — Тут плакать хочется, последние минуты на корабле, а ты заладил своё: «Не рви, береги».

— Пока ты в тельняшке и в бушлате, до тех пор ты моряк, — ответил баталёр. — А в пехоте такого обмундирования не дадут, нет там ни бушлатов, ни тельняшек.

Жене стало стыдно.

— До конца войны сберегу матросскую форму, — пообещал он, и они обнялись на прощание так крепко, как могут только моряки.

В пехотной части звание Жени Молоканова было уже не матрос, а рядовой. Однако новые товарищи звали его матросом. И командир тоже говорил: «Молодец матрос» или «Поручите это дело матросу». А всё матросская форма. Женя Молоканов свою одежду берёт пуще глаза. Как появится дырочка — тут же доставал иголку с ниткой и штопал. Ещё он раздобыл щётку. Ею счищал глину и землю с бушлата и клёшей — так называли брюки, которые носили матросы.

Но как ни старался Женя Молоканов, не сберёт всё же бушлат. В одном бою грохнулась рядом с матросом мина. Женю ни единым осколочком не зацепило. Но бушлат на спине изорвало на ленты. Вот ведь как на войне бывает! Человеку ничего, а одежду в клочья... После боя Женя Молоканов взялся за иголку. Да где там! Нужно было заплатку ставить во всю спину. Пришлось у пехотного кладовщика, каптёра, взять шинель. Бескозырка и клёши не шли к солдатской шинели, и Женя получил ещё солдатские брюки и пилотку.

Из прежней одежды осталась на Жене тельняшка. Клёши и бескозырку он положил в вещевой мешок, пусть лежат, вдруг бушлат раздобыть удастся...

Проходили дни и месяцы войны. Наши войска приближались к Германии. Однажды на дороге Женя Молоканов встретил русского паренька. Немцы увезли его из России как раба. Паренёк был смелый. На ходу поезда выпрыгнул из вагона и теперь шёл домой. Одежда на нём была ветхая-ветхая. Солдаты дали ему из своих запасов телогрейку, ещё кое-что, а Женя Молоканов дал свои клёши. Совсем мало осталось у Жени матросского.

Как-то на наши окопы двинулись фашистские танки. Было это уже на вражеской земле. Они стреляли из пушек. Гусеницы лязгали, моторы ревели. За танками крались автоматчики. Страшные наступили минуты. Очень уж мало наших бойцов было перед танками. Но бойцы решили: лучше умрём, а танки врага не пропустим.

Женя Молоканов сбросил гимнастёрку — остался в тельняшке, достал бескозырку, надел её. На шею он повесил автомат, в каждую руку взял по большой гранате, выскочил из окопа и побежал навстречу танкам. Его товарищи тоже побежали. Женя Молоканов метнул под танк одну за другой обе гранаты. Танк закружился на месте, из него повалил чёрный дым. Вспыхнули ещё несколько танков. Среди этих жарких и страшных костров завязался бой с фашистскими автоматчиками. Противники сошлись так близко, что схватывались врукопашную. Женя Молоканов всюду поспевал в нужную секунду. Его тельняшка мелькала то тут, то там. Когда кончились патроны, он бил фашистов кулаками. И такой он был злой, что враги с ужасом шептали: «Матрозен» — и сдавались в плен.

Славный получился бой. Но после него не стало у Жени Молоканова тельняшки. Не хватило бинтов перевязывать раненых, и матрос отдал на бинты тельняшку.

«Уж бескозырку, — думал Женя Молоканов, — сберегу до конца войны». Но вот какое получилось дело. Бои шли в самом Берлине. Советские войска отвоёвывали у фашистов улицу за улицей, квартал за кварталом, со всех сторон приближались к центру вражеской столицы. Жене Молоканову и его товарищам было поручено выбить фашистов из многоэтажного дома. Враги сидели в нём, как в крепости. В комнатах, в подвале, на чердаке дрались наши бойцы и дом захватили. Командир похвалил солдат, но пожалел, что нет у

них красного флага. Красный флаг, поднятый над домом, показал бы, что фашисты отсюда изгнаны.

— Товарищ командир, — сказал Женя Молоканов, — есть у меня знак, по которому все поймут, что дом советский. Разрешите действовать!

Командир разрешил. Женя Молоканов вынул из вещевого мешка бескозырку и полез на крышу. Там он привязал ее к высокому шесту. Ветер распрямил матросские ленты, и они заструились в воздухе.

Женя Молоканов посмотрел на город. Сколько видел глаз, всюду из окон домов свисали белые флаги — вражеская столица сдавалась победителям. А над крышами, над высокими памятниками, над башнями развевались красные флаги. «Как хорошо!» — подумал Женя Молоканов. Ещё подумал о своих товарищах, оставшихся на корабле, о баталёре, которому обещал хранить матросскую форму всю войну. Он выполнил это обещание: бескозырки у него не было, но ведь и войны не было. Кончилась война.

Букин и Бубукин — башенные стрелки — познакомились, когда получали обмундирование. В списках танковой роты их фамилии стояли рядом, поэтому оба были вызваны на вещевой склад одновременно. Расписываясь за шлем и комбинезон, за куртку и башмаки, Бубукин увидел подпись Букина. Она была длинная, чуть ли не во всю строку. После слога «Бу» шёл ряд многочисленных то ли крючочков, то ли полуколючек, заканчивалась подпись, как полагалось, буквой «н», но не простой буквой, а с хвостом, закрученным, как пружина.

— Ну и подпись! — изумился Бубукин. — Посмотришь — голова кружится... Я вот ставлю «Бу» — и дело с концом!

— Твоя фамилия длинная, — отозвался Букин, влезая в новый комбинезон, — и сам ты вон какой здоровила. А я маленький, фамилия у меня короткая. Пусть хоть подпись будет большая.

После такого разговора и началась у Букина с Бубукиным фронтовая дружба.

Нет на свете дружбы крепче, чем фронтовая. Быть товарищами на войне — это ведь не в кино ходить вместе, не лакомиться вместе пирогом в день рождения. В бою нет ни кино, ни пирога. Там есть враг, который стремится убить тебя самого и твоего друга. Верность в дружбе, крепость её враг испытывает огнём. Да не один раз, а на протяжении всей войны.

Дружбу Букина и Бубукина фашисты проверяли и в самом Берлине. Берлин был тогда столицей фашистской Германии. Чтобы скорее кончилась война, надо было скорее взять этот город. В штурме Берлина участвовали пехотинцы и артиллеристы, сапёры и лётчики, связисты и миномётчики, и, конечно, танкисты.

Танку трудно воевать на городских улицах. В поле, в степи можно мчаться на хорошей скорости, обходить укрепления врага стороной, атаковать их с тыла. А в городе, среди каменных построек, танк словно среди крепостей. Опасно каждое окно, опасны чердаки и подвалы — отовсюду фашисты могут выстрелить фаустпатроном.

За углами домов, за каменными завалами прячутся пушки — тоже целят в танк. Под асфальтом мины: надавит танк гусеницей на невидимую мину — гремит взрыв.

Так вот и случилось: в уличном бою, помогая пехоте пробиваться к центру города, танк Букина наехал на мину, взрывом изуродовало гусеницу, танк остановился; а в танк Бубукина попал снаряд, заклинило орудие танка, невозможно было наводить орудие в цель.

Рации в обоих танках работали хорошо. И командиры экипажей договорились: танк с заклиненной пушкой возьмёт танк с разбитой гусеницей на буксир. Из двух неисправных машин получится одна исправная — можно продолжить бой. Обидно сидеть сложа руки, когда идёт последнее сражение войны.

Танк Бубукина направился к танку Букина. И в это время мелькнула в развалинах разбомблённого дома фигура фашиста с фаустпатроном. Враг крался к неподвижному танку. Фаустпатрон, в переводе с немецкого на русский — кулак-патрон, появился у врага в конце войны. Реактивный снаряд этого оружия летел недалеко, метров на сто, но взрывался так сильно, что мог уничтожить танк со всем экипажем. Самым незанятым в эти минуты был Бубукин (пушка-то его стрелять не могла), и он не мешкая выскочил через башенный люк из танка, побежал с автоматом к развалинам. Надо было помешать фашисту стрелять фаустпатроном.

Фашист был упрямый. Он отложил в сторону фаустпатрон, начал бить короткими очередями из своего автомата в Бубукина. Наш танкист тоже стрелял. Прячась за грудками кирпича, приближался к фашисту.

Бубукин был совсем уж близко от врага, когда тот перестал стрелять. «Почему фашист не стреляет? — подумал Бубукин. От догадки мороз пробежал по коже. — Верно, фашист отложил автомат и целит фаустпатроном в танк Букина. Сейчас выстрелит...» Бубукин бросился к укрытию фашиста. Навёл автомат, нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало — патроны кончились. Тогда Бубукин с высокой груды обломков прыгнул на врага, ногами выбил из его рук фаустпатрон. Фашист мгновенно вскочил, готовый вцепиться в нашего бойца. Но, увидев человека в замасленном комбинезоне, с лицом, тёмным от копоти, его гневные глаза и огромные кулаки, побежал. Бубукин схватил автомат врага — он тоже оказался без патронов. Тогда танкист запустил вдогонку фашисту половинку кирпича.

— Ну, гад, — крикнул Бубукин, — второй раз не попадайся! Отверну голову!

Забрав оружие врага, Бубукин вернулся к товарищам. У них всё уже было готово — буксирный трос закреплён, можно в бой.

Они славно поработали. Букин из своей пушки выстрелил все снаряды по фашистам. Потом перенесли к нему снаряды из танка Бубукина. Они тоже пошли в дело.

Воюя, танкисты вызвали ремонтников. Те прибыли со всем необходимым. Принялись чинить танки. Но воевать уже было не нужно. Во второй половине того дня, а было 2 мая 1945 года, немцы по всему Берлину вывесили белые флаги. Делали их наскоро — из простыней, полотенец и даже из носовых платков. Белые флаги означали, что Берлин сдаётся.

По улицам, засыпанным битым стеклом и камнем, мимо изрытых взрывами скверов, разрушенных домов, мимо сгоревших танков и раздавленных пушек двинулись вереницы вражеских солдат и офицеров — сдаваться в плен. На площадях они складывали оружие, и очень скоро там образовались горы касок, автоматов, пулемётов, гранат, пистолетов, винтовок — всего, что час назад грозило смертью нашим бойцам.

Фашисты шли, опустив глаза, смотрели в землю. Им было страшно — ведь придётся держать ответ за горе, причинённое людям, и было стыдно — хотели взять Москву, но Москву не взяли, а Берлин сдали. На самом главном здании Берлина, на рейхстаге, развевалось Красное знамя. Его, в знак нашей победы, подняли в разгар жестокого сражения храбрые советские солдаты.

...Через неделю после взятия Берлина капитулировала вся фашистская Германия. На землю пришёл мир. Все страны и народы ликовали. Все славил Советскую Армию, посылали привет нашим солдатам и командирам.

И природа радовалась. Весеннее солнце светило светло, грело тепло. Навстречу свету и теплу из почек на деревьях вылезали прозрачные листочки, трава зелёными ленточками колыхалась под майским ветром. В небесах летели стаи перелётных птиц.

— Смотри, — сказал Букин Бубукину, — сколько птиц летит! Хорошо, что война кончилась. Самолёты в самую пору освободили небо птицам. И мы не пугаем их выстрелами.

С утра 9 мая Букин и Бубукин прихорашивались — побрились, умылись, причесались, почистили комбинезоны, навели глянец на

обуви, — и запаслись баночкой краски и кисточкой. Они готовились пойти к рейхстагу. Прошёл слух, что все, кто брал Берлин, идут к этому огромному зданию, где прежде заседало правительство фашистов, и пишут на стенах, на колоннах свои фамилии — оставляют автографы на добрую память друзьям и в назидание врагам. Говорили, что сам прославленный маршал Георгий Константинович Жуков расписался на рейхстаге.

Действительно, площадь перед рейхстагом была полна наших солдат и командиров. В разных её местах играли гармошки и аккордеоны; где плясали, где пели. А стены рейхстага и колонны были испещрены различными фамилиями. Надписи всё прибавлялись и прибавлялись. На уровне человеческого роста всё уже было заполнено ими.

— Опоздали, — сказал Бубукин. — Места не осталось!

— Что ты! — засмеялся Букин. — Нам-то как раз самое лучшее оставили. Встань-ка покрепче. Я с твоих плеч расписываться буду.

— Друг-танкист! — попросил Бубукина низкорослый сержант в погонах связиста. — Подсади и меня!

— Залезай, — согласился Бубукин, когда Букин спрыгнул на каменные ступени.

— Братья-славяне! — закричал весёлый артиллерист. — Кто ростом не вышел — скорее сюда. Пока плечи танкисту не оттоптали.

Подсобив желающим, Бубукин сгрёб всех их в кучу, придвинул к колонне, приказал: «Ни шагу назад!» — и сам вскарабкался на их плечи. Букин подал ему кисточку и краску.

— Погоди, — сказал сверху Бубукин Букину, — роспись-то не твоя. Ты же не так расписываешься. Где же твои крючки и загогулины?

— Правильно! — согласился Букин внизу. — Но если бы я расписался с загогулинами, то кто бы прочёл, что и я брал Берлин?

— Хитёр ты у меня! — проговорил Бубукин и вместо обычного «Бу», как он расписывался в различных бумагах, вывел печатными буквами полную фамилию. Рядом, помельче, приписал: «Рязань».

Друзья-танкисты отошли от колонны, чтобы не мешать расписываться другим. Издали читали надписи. Перед ними была неви-

данная книга. Она рассказывала о великом подвиге советских людей. Называла героев жестоких сражений поимённо. Называла сёла и города, откуда герои родом.

«Жуков — Москва. Васильев — Ленинград. Петров — Тула. Гончаренко — Полтава. Богданович — Минск. Гоцеридзе — Тбилиси.

Берзиньш — Рига. Хабибуллин — Казань. Гусейнов — Баку. Керимбаев — Алма-Ата»...

Вся Советская страна, все советские люди брали город Берлин.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЛДАТ МИТЯ КОРНЕВ

- ЗЕМЛЯНКА 9
- САМОВАР 12
- ✓ КУРИНАЯ СЛЕПОТА 18
- ПЫЛЬ 24
- ✓ ИВАН И ФРИЦЫ 30
- + ШЕСТОЙ-НЕПОЛНЫЙ 36
- ДЛИННОЕ РУЖЬЕ 45
- + ТЁПЛЫЙ «ЯЗЫК» 58
- + МЕШОК ОВСЯНКИ 72
- РАКЕТНЫЕ СНАРЯДЫ 76
- + ТРЕУГОЛЬНОЕ ПИСЬМО 80
- + СЕРЬГИ ДЛЯ ОСЛИКА 86
- + ЛОШАДИ 92
- ПЕХОТИНЦЫ И ТАНКИСТ 98
- + ТИМОФЕЙ БЕСПРАЗДНИЧНЫЙ 106
- + ОТПУСК НА ЧЕТЫРЕ ЧАСА 114
- + НОСОВ И НАЗЕ 122
- + ГВАРДИИ МЕДВЕЖОНОК 129
- ОПАСНЫЙ СУП 138
- БЕСКОЗЫРКА 148
- КТО БРАЛ БЕРЛИН 152

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Анатолий Васильевич Митяев

ШЕСТОЙ-НЕПОЛНЫЙ

Рассказы

Ответственный редактор Н. А. Терехова
Художественный редактор И. Г. Найденова
Технический редактор В. К. Егорова
Корректоры В. А. Иванова, Е. А. Сукляси

ИБ № 9009

Сдано в набор 15.09.86. Подписано к печати 10.03.87. Формат 84×108¹/₁₆. Бум. офсетная № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 68,46. Уч.-изд. л. 13,93. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5015. Цена 1 р. 80 к.
Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушеский вал, 49.

SOBD

1053390

